

ЛИАНА МОРИАРТИ

От автора мирового бестселлера
«ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

Верные,

Безумные,

Как всегда, потрясающе...

Джоджо Мойес

Винновы

И

Annotation

Шесть ответственных взрослых. Три милых ребенка. Одна маленькая собака. Обычный уик-энд. Что же могло пойти не так?

Вид и Тиффани приглашают соседей и их друзей на барбекю. И все с радостью соглашаются в надежде провести приятный вечер в красивом доме. Вкусная еда, приготовленная хозяином, остроумные шутки, непринужденная беседа, легкий флирт. Неожиданно раздается жуткий крик: двухлетняя девочка упала в бассейн фонтана и едва не утонула. И это событие резко меняет жизнь, казалось бы, счастливых и благополучных семей. Каждого мучает чувство вины, и в результате их брак трещит по швам, давняя дружба проверяется на прочность, в каждом невинном поступке усматривается злой умысел...

Впервые на русском языке!

Лиана Мориарти

Верные, безумные, виновные

Liane Moriarty

Truly, madly, guilty

Copyright © Liane Moriarty, 2016

All rights reserved

© И. Иванченко, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка®

Посвящаю Джейси

Музыка – это тишина между нотами.

Клод Дебюсси

Глава 1

– Эта история начинается с барбекю, – сказала Клементина. Микрофон усиливал и смягчал ее голос, придавая ему выразительность, как бывает с портретом после фотошопа. – Обыкновенное барбекю для соседей на обыкновенном заднем дворе.

Ну, не такой уж обыкновенный тот задний двор, подумала Эрика. Она скрестила ноги и фыркнула. Никто не назвал бы задний двор Вида обыкновенным.

Эрика устроилась в середине последнего ряда зала собраний, примыкавшего к стильно обновленной библиотеке пригорода в сорока пяти минутах езды от города, а не в получасе, как утверждал служащий таксопарка – уж он-то должен был знать.

В зале сидело, может быть, человек двадцать, хотя имелись складные стулья еще для пары десятков. Большую часть аудитории составляли пожилые люди с оживленными, заинтересованными лицами. Это были осведомленные граждане старшего возраста, пришедшие на собрание общины в это дождливое утро (когда же закончится дождь?), чтобы узнать что-то новое, увлекательное. Им хотелось рассказать детям и внукам о том, что видели сегодня выступление необычайно интересной женщины.

Перед встречей Эрика прочитала на сайте библиотеки описание выступления Клементины. Это была короткая и не слишком информативная аннотация: «С вами поделится своей историей „Один обыкновенный день“ известная виолончелистка, мама из Сиднея Клементина Харт».

Клементина действительно известная виолончелистка? Верится с трудом.

Пятидолларовая плата за нынешнее мероприятие включала в себя лекции двух приглашенных ораторов, восхитительный домашний утренний чай и шанс выиграть в лотерею. Выступающий после Клементины намеревался говорить о спорном муниципальном плане реконструкции местного бассейна. До Эрики доносилось тихое позвякивание где-то неподалеку чашек и блюдец, расставляемых для утреннего чая. Лотерейный билет из тонкой бумаги она держала на коленях, опасаясь, что не сможет сразу отыскать его в сумке, когда лотерея начнется. Голубой, под номером E 24. Непохоже, что он выиграет.

Сидящая прямо перед Эрикой дама с заинтересованным видом наклонила седую кудрявую голову, как будто была заранее готова согласиться со всем, что скажет Клементина. Из-за ворота ее блузки высовывался ярлык. Размер двенадцать. Эрика протянула руку и засунула ярлык внутрь.

Дама повернула голову.

– Ярлык, – прошептала Эрика.

Дама улыбнулась, и Эрика заметила, как розовеет ее шея сзади. У сидящего рядом более молодого мужчины, на вид лет сорока, – возможно, ее сына – на загорелой шее сзади была сделана татуировка в виде штрихкода, словно он продукт из супермаркета. Предполагалось, что это смешно? Иронично? Символично? Эрику так и подмывало сказать ему, что это глупо.

– Был обыкновенный воскресный день, – начала Клементина.

Что она так напирает на слово «обыкновенный»? Вероятно, Клементине хотелось казаться ближе к этим обыкновенным людям из обыкновенных дальних предместий. Эрика вообразила, как Клементина сидит за маленьким обеденным столом или, быть может, за потертым антикварным письменным столом Сэма в своем доме, обставленном в стиле шебби-шик и с видом на воду, как она сочиняет речь для выступления перед общиной, грызя

кончик ручки, перекидывая через плечо пышные темные волосы и чувственным движением самодовольно поглаживая их, словно она Рапунцель. А про себя думает: обыкновенный.

Право, Клементина, как сделать так, чтобы обыкновенные люди поняли?

– Было начало зимы. Холодный, сумрачный день...

Какого черта? Эрика заерзала в кресле. День был прекрасный. «Изумительный», как выразился Вид.

Или, возможно, «великолепный». Во всяком случае, что-то в этом роде.

– Мороз просто обжигал, – продолжала Клементина, театрально поежившись, в чем не было никакой нужды.

В зале было настолько тепло, что мужчина в нескольких рядах впереди от Эрики, похоже, задремал. Вытянув ноги перед собой и уютно сложив руки на животе, он откинул голову назад, словно лежал на невидимой подушке. Он жив вообще?

Возможно, день барбекю и был прохладным, но уж точно не сумрачным. Эрика понимала, насколько ненадежны мнения очевидцев. Люди полагают, что просто нажимают на клавишу перемотки миниатюрного магнитофона, установленного у них в голове, в то время как фактически конструируют свои воспоминания. Сочиняют собственные истории. Так что в памяти Клементины день барбекю остался холодным и сумрачным. Но она ошибается. Эрика помнит (именно помнит, а не выдумывает), как в день барбекю Вид наклонился к окну ее машины со словами:

– Какой изумительный день!

Или, может быть, он сказал «великолепный».

Это было слово с положительным смыслом, она уверена.

Если бы только Эрика сказала тогда: «Да, Вид, день и вправду изумительный/великолепный» – и снова нажала на педаль газа!

– Помню, что тепло укутала своих малышей, – рассказывала Клементина.

Вероятно, девочек одел Сэм, подумала Эрика.

Клементина откашлялась и уцепилась обеими руками за края кафедры. Микрофон был установлен чересчур высоко для нее, и создавалось впечатление, что, стараясь приблизить к нему губы, она поднимается на цыпочки. Она вытягивала шею, отчего лицо ее казалось еще более худым.

Эрика подумывала о том, чтобы осторожно пройти вдоль стены и поправить микрофон. Это заняло бы минуту. Она представила себе, как Клементина одаривает ее благодарной улыбкой. «Слава богу, ты это сделала, – скажет она потом за кофе. – Ты просто спасла меня».

На самом деле Клементине совсем не хотелось в тот день видеть там Эрику. От той не ускользнуло промелькнувшее на лице Клементины выражение ужаса, когда она недавно сказала, что хочет послушать ее выступление. Однако Клементина быстро пришла в себя: дескать, как это мило, хорошо и они могут потом вместе выпить кофе.

– Мы получили приглашение буквально в последнюю минуту, – продолжала Клементина. – На барбекю. Мы даже толком не знали хозяев. Они... друзья наших друзей.

Она опустила глаза на кафедру, словно потеряла нить рассказа. Чуть раньше, поднимаясь на кафедру, Клементина держала в руках стопку карточек размером с ладонь. В этих карточках было что-то душераздирающее, как будто Клементина вспоминала подсказки со школьных уроков риторики. Должно быть, она нарезала карточки ножницами. Не теми бабушкиными ножницами с перламутровыми ручками. Те пропали.

Странно было видеть Клементину на сцене, так сказать, без виолончели. Такой

обыденный у нее вид в синих джинсах и миллом цветастом топе. Прикид мамочки из предместий. Ноги Клементины для джинсов были коротковаты, а балетки без каблучков делали их еще короче на вид. Что ж, всего-навсего факт. Подходя к кафедре, она выглядела едва ли не плохо одетой – пусть даже это слово покажется неблагоприятным по отношению к Клементине. Для выступлений на сцене она зачесывала волосы наверх, обувала туфли на каблучках и одевалась во все черное – длинные широкие юбки из легких тканей, позволяющие зажимать виолончель между колен. Когда Клементина сидела на сцене, со страстью и нежностью склонив голову к инструменту, словно обнимая его, и одна длинная прядь волос едва не касалась струн, а рука изгибалась под странным углом, Эрике она казалась такой чувственной, такой экзотической и непонятной. Каждый раз, видя Клементину на сцене, даже по прошествии всех этих лет, Эрика испытывала чувство потери, словно тоскуя по чему-то недостижимому. Она всегда уверяла себя, что это чувство сложнее и примечательней зависти, поскольку ее не интересовала игра на музыкальных инструментах. А возможно, и нет. Может быть, все дело было в зависти.

Наблюдая, как Клементина с запинками произносит свою бессмысленную речь в этом тесном помещении с видом на торговый центр и парковку, вместо того чтобы играть в притихшем концертном зале с высокими сводами, Эрика испытывала то же постыдное удовлетворение, что при виде кинозвезды без макияжа в дрянной лавке. «В конце концов, не такая уж ты особенная».

– Итак, в тот день там было шестеро взрослых. – Клементина откашлялась и качнулась взад-вперед. – Шестеро взрослых и трое детей.

И одна брехливая собака, подумала Эрика. Гав-гав-гав.

– Как я уже сказала, мы мало знали хозяев, но время проводили прекрасно.

Это ты прекрасно проводила время, подумала Эрика. Ты.

Она вспомнила, как чистый, словно колокольчик, смех Клементины вспыхивал и замирал в унисон с приглушенными смешками Вида. Видела, как из плотной тени проступали лица людей с темными провалами глаз и блеском белых зубов.

Вечером на том нелепом заднем дворе долго не зажигались уличные фонари.

– Помню, в какой-то момент зазвучала музыка. – Клементина опустила взгляд на пюпитр перед собой, потом вновь подняла глаза, словно увидела что-то далеко на горизонте. У нее был задумчивый взгляд. Она больше не походила на мамочку из предместья. – «Пробуждение» французского композитора Габриэля Форе. – Разумеется, она произнесла фамилию на правильный французский лад. – Прекрасное музыкальное произведение. В нем звучит такая изысканная скорбь.

Она умолкла. Почувствовала ли она шевеление в рядах, смущение аудитории? Для этой аудитории «изысканная скорбь» была неподходящим выражением, с большой претензией на понимание искусства. «Клементина, радость моя, мы слишком обыкновенные, чтобы понять твои утонченные отсылки к французским композиторам». Как бы то ни было, в тот вечер играли также «November Rain» в исполнении «Ганс энд Роузес». Не так уж претенциозно.

Разве исполнение «November Rain» не было каким-то образом связано с признанием Тиффани? Или это было раньше? Когда в точности Тиффани поделилась своим секретом? Произошло ли это в тот момент, когда на вечеринке все вдруг завертелось быстрее и мы как будто летели с американских горок?

– Мы пили алкоголь, – сказала Клементина. – Но никто не напился. Были немного навеселе.

Она встретила взглядом с Эрикой, как будто все это время знала, где та сидит, но избегала смотреть на нее, а в какой-то момент решилась. В ответ Эрика попыталась улыбнуться, как подруга, ближайшая подруга Клементины, крестная мать ее детей. Но лицо застыло, словно Эрику разбил паралич.

– Как бы то ни было, наступил вечер, мы собирались приступить к десерту, и все смеялись. – Клементина перевела взгляд с лица Эрики на кого-то в переднем ряду, и Эрике стало обидно, как будто ею пренебрегли. – Над чем смеялись, не помню.

У Эрики слегка закружилась голова, и комната вдруг показалась ей невыносимо душной. Возникло непреодолимое желание выбраться отсюда. Ну вот, подумала она. Вечная история. «Бей или беги». Возбуждение ее симпатической нервной системы. Нарушение биохимии мозга. Вот в чем дело. Все совершенно естественно. Детская травма. Она перечитала всю литературу по вопросу. Она в точности знала, что с ней происходит, но от знания толку не было. Организм, предавая ее, поступал по-своему. Бешено колотилось сердце. Дрожали руки. Она ощущала запах детства – густой, настоящий: влага, плесень и стыд.

«Не сопротивляйтесь панике, – говорила ей психолог. – Примите ее. Парите в ней».

У нее был исключительный психолог, но, бога ради, разве можно парить, когда не хватает места, пространства – вверху, внизу, когда и шага нельзя ступить, не почувствовав под ногами гниющую рыхлую пакость?

Она встала, одергивая юбку, прилипшую к ногам. Малый со штрихкодом бросил на нее взгляд через плечо. Участливое выражение его глаз слегка удивило ее, подобно тому как могли бы привести в замешательство умные глаза обезьяны.

– Извините, – прошептала Эрика. – Мне надо...

Указав на часы, она боком протиснулась мимо него, стараясь не задеть пиджаком его затылок.

Когда она дошла до конца комнаты, Клементина произнесла:

– Помню, был момент, когда моя подруга выкрикнула мое имя. Очень громко. Никогда не забуду этого крика.

Не оборачиваясь и положив ладонь на ручку двери, Эрика остановилась. Вероятно, Клементина наклонилась к микрофону, потому что ее голос неожиданно заполнил помещение.

– Она закричала: «Клементина!»

Клементина всегда прекрасно подражала другим людям. Ее музыкальный слух точно улавливал интонации человеческих голосов. Эрика различила в одном этом слове неподдельный ужас и пронзительную настойчивость: «Клементина!»

Она знала, что была той самой подругой, которая выкрикнула на вечеринке имя Клементины, но не помнила этого. На месте этого воспоминания висела белая пустота. И если уж она не может вспомнить такой момент, значит это говорит о проблеме, аномалии, несообразности – весьма значительной и тревожной несообразности. Приступ паники усилился и едва не сбил ее с ног. Она нажала на ручку двери и, пошатываясь, вышла под неослабевающий дождь.

Глава 2

– Были на собрании? – спросил Эрику таксист по дороге в город.

Он отечески улыбнулся ей в зеркало заднего вида, словно умиляясь деловому облику современной женщины, этому официальному костюму.

– Да, – ответила Эрика, яростно стряхивая воду с зонта на пол такси. – Следите за дорогой.

– Слушаюсь, мэм! – Таксист шутливо прикоснулся двумя пальцами ко лбу.

– Дождь, – смущенно проговорила Эрика и указала на дождевые капли, бешено колотящиеся в лобовое стекло. – Дороги скользкие.

– Только что отвозил в аэропорт одного гусака, – сказал водитель.

Он умолк, пока перестраивался на соседнюю полосу. Одну мясистую руку он держал на руле, а другой провел по спинке кресла, отчего в воображении Эрики возник большой белый гусак на заднем сиденье.

– Он считает, все эти дожди вызваны климатическими изменениями. Я сказал ему: мужик, климатические изменения здесь ни при чем. Это Ла-Нинья! Знаете про Ла-Нинья? Эль-Ниньо и Ла-Нинья? Природные явления! Происходят уже тысячи лет.

– Верно, – откликнулась Эрика.

Жаль, что с ней нет Оливера. Он взял бы разговор на себя. Почему водители такси так упорствуют в просвещении пассажиров?

– Угу. Ла-Нинья, – повторил таксист почти с мексиканской интонацией. Ему явно нравилось произносить «Ла-Нинья». – Значит, мы побили рекорд, а? Самый долгий период непрерывных дождей в Сиднее с тысяча девятьсот тридцать второго. Ура, ура!

– Да, – подтвердила Эрика. – Ура.

Это был 1931 год, у нее хорошая память на числа, но поправлять его не имело смысла.

– На самом деле это был тысяча девятьсот тридцать первый, – сказала она.

Ничего не могла с собой поделаться – такой уж характер. И она это понимала.

– Ага, точно, тысяча девятьсот тридцать первый, – согласился таксист. – Перед тем было двадцать четыре дня в тысяча восемьсот девяносто третьем. Двадцать четыре дождливых дня подряд! Будем надеяться, что не побьем этот рекорд, да? Или считаете, что побьем?

– Будем надеяться, что нет.

Эрика провела пальцем по лбу. Пот или дождевые капли?

Ожидая такси на улице под дождем, она успокоилась. Дыхание пришло в норму, но живот по-прежнему крутило. Она ощущала упадок сил, как будто пробежала марафон.

Достав телефон, она написала сообщение Клементине.

Извини, пришлось убежать, проблема на работе, ты выступала потрясающе, поговорим позже. Пока.

Потом изменила «потрясающе» на «здорово». Потрясающе – это уж чересчур. К тому же неточно. И нажала на кнопку «отослать».

Не стоило выкраивать драгоценное время из рабочего дня, чтобы послушать Клементину. Она приехала только для того, чтобы поддержать подругу и привести в порядок собственные мысли по поводу случившегося. Воспоминания о том дне представлялись ей

пленкой старого фильма, из которого кто-то вырезал определенные кадры. Даже не кадры целиком, а их обрывки. Узкие временные обрывки. Ей просто хотелось заполнить эти провалы, чтобы не надо было признаваться кому-то, что она не помнит всего.

В памяти всплыло собственное лицо в зеркале ее ванной комнаты. Сильно трясущиеся руки, когда она пытается ногтем большого пальца разломить пополам ту маленькую желтую таблетку. Она догадывалась, что провалы в ее памяти связаны с принятой таблеткой. Но эти таблетки ей выписали. Она вовсе не глотала перед вечеринкой экстази.

Она вспомнила, что, перед тем как отправиться на барбекю к соседям, ощущала странную апатию, но это не имело отношения к провалам в памяти. Слишком много выпила? Да. Слишком много выпила. Эрика, посмотри фактам в лицо. Ты была под градусом. Напилась. Эрике не верилось, что это слово относится к ней, но, пожалуй, так оно и было. Впервые в жизни она определенно напилась. Так что, возможно, провалы в памяти объяснялись отключкой из-за спиртного. Как у мамы и папы Оливера. Однажды в присутствии родителей Оливер сказал: «Им не вспомнить целые декады своей жизни» – и оба радостно рассмеялись и подняли бокалы, хотя Оливер даже не улыбался.

– Можно поинтересоваться, чем вы занимаетесь? – спросил таксист.

– Я бухгалтер.

– Правда? – с преувеличенным интересом откликнулся он. – Какое совпадение, потому что я как раз думал...

У Эрики зазвонил телефон, и она вздрогнула, как с ней всегда бывало от звонка. «Эрика, это телефон, – без конца повторял ей Оливер. – Он для того и придуман». Звонила ее мать, с которой сейчас ей меньше всего хотелось говорить, однако таксист ерзал на сиденье, глядя на нее, а не на дорогу и облизывая губы в предвкушении бесплатных советов. Таксисты знают понемногу обо всем. Он рассказал бы ей об одной удивительной лазейке, о которой слышал от своего постоянного клиента. Но Эрика не такой бухгалтер. Она не оценила бы слово «лазейка». Наверное, ее мать – меньшее из двух зол.

– Привет, мама.

– Что ж, привет! Не ожидала, что ты ответишь!

Голос матери звучал возбужденно и вызывающе, и это не обещало ничего хорошего.

– Я приготовилась оставить голосовое сообщение! – с упреком произнесла Сильвия.

– Извини, что ответила, – сказала Эрика.

Ей действительно было неловко.

– Нет нужды извиняться, мне всего лишь надо переключиться. Знаешь, давай ты просто послушаешь, а я сделаю вид, что посылаю тебе подготовленное голосовое сообщение?

– Давай.

Эрика выглянула на залитую дождем улицу: какая-то женщина боролась с зонтом, который норовил вывернуться наизнанку. Эрика смотрела, как женщина, потеряв вдруг терпение и не сбавляя темпа, с восхитительным негодованием запихнула зонтик в урну для мусора и продолжила путь под дождем. Вот это дело, воодушевившись этой сценкой, подумала Эрика. Просто выброси это. Выброси чертову штуковину.

В ухе громче зазвучал голос матери, как будто та переместила телефон.

– Я собиралась начать так: Эрика, дорогая, хотела сказать тебе... милая Эрика, знаю, ты не можешь сейчас со мной разговаривать, поскольку ты на работе, и как обидно, что ты торчишь в офисе в этот прекрасный день – не в том смысле, что погода прекрасная, на самом деле она ужасная, кошмарная, – но обычно в это время года у нас бывают изумительные дни,

и часто, просыпаясь и видя в окне голубое небо, я думаю: о господи, как жаль, что бедная, бедная Эрика торчит в такой прекрасный день у себя в офисе! Вот о чем я подумала, но такова плата за карьерный успех! Вот если бы ты была парк-рейнджером или занималась какой-то другой работой на открытом воздухе... На самом деле я не хотела, чтобы ты была парк-рейнджером, – просто это пришло мне в голову, и я знаю почему – потому что сын Салли недавно окончил школу и собирается стать парк-рейнджером, а когда она сказала мне об этом, я подумала: какая чудесная работа, какая умная мысль – быть на воздухе, вместо того чтобы томиться в офисном отсеке, как ты.

– Я не томлюсь в офисном отсеке, – вздохнула Эрика.

Из ее офиса открывался вид на гавань, и секретарша каждый понедельник покупала свежие цветы. Она любила свой офис. Любила свою работу.

– Знаешь, это была идея Салли. Чтобы сын стал парк-рейнджером. Очень умно. Она не консервативная, Салли нестандартно мыслит.

– Салли? – переспросила Эрика.

– Салли! Моя новая парикмахерша! – нетерпеливо произнесла мать, будто знала Салли много лет, а не пару месяцев.

Как будто Салли станет ей подругой на всю жизнь. Ха! Салли пройдет тем же путем, что и все прочие чудесные незнакомцы в жизни матери.

– Так что еще было в твоём сообщении? – спросила Эрика.

– Дай вспомнить... потом я собиралась сказать, как бы случайно, как будто только что подумала об этом: «Ой, послушай, дорогая, кстати!..»

Эрика рассмеялась. Мать всегда очаровывала ее, даже в плохие времена. Стоило Эрике подумать, что с нее довольно, она больше не выдержит, как мать вновь очаровывала ее, заставляя полюбить себя.

Мать тоже рассмеялась, но ее смех прозвучал нервно и визгливо.

– Я собиралась сказать: «Послушай, дорогая, я вот подумала – не хотите ли вы с Оливером прийти ко мне на обед в воскресенье?»

– Нет, – ответила Эрика. – Не хотим. – Она задышала прерывисто, как через соломинку. Задрожали губы. – Нет, спасибо. Мы приедем к тебе пятнадцатого, мама. И ни в какое другое время. Мы же договаривались.

– Но, милая, я думала, ты будешь так гордиться мной, потому что...

– Нет. Встретимся с тобой в другом месте. Можем пообедать в воскресенье в каком-нибудь приятном ресторане. Или можешь приехать к нам. У нас с Оливером ничего не запланировано. Можем пойти вместе куда угодно, но мы не пойдём к тебе домой. – Помолчав, она повторила эту фразу снова, громче и четче, словно говоря с человеком, плохо понимающим по-английски: – Мы не пойдём к тебе домой. – (Воцарилось молчание.) – До пятнадцатого, – сказала Эрика. – Это записано в ежедневнике. В обоих наших ежедневниках. И не забудь, что в четверг вечером у нас запланирован ужин с родителями Клементины! Мы этого тоже будем с нетерпением ждать. Вот повеселимся-то!

– Я хотела опробовать новый рецепт. Я купила книгу аглутеновых рецептов – говорила я тебе?

Ох уж этот легкомысленный тон. Преднамеренная живость, рассчитанная на то, что Эрика откликнется на ее игру, в которую они играли все эти годы и в которой обе притворялись обычной матерью и дочерью, ведущими обыкновенный разговор. А мать между тем понимала, что Эрика больше не играет, и обе сходились на том, что игра

окончена. Мать рыдала, извинялась и давала обещания, которые, как знали они обе, никогда не выполнит. Но теперь вот она делала вид, что никогда не давала обещаний.

– Мама, боже правый!

– Что?

Притворная наивность. Приводящий Эрику в бешенство детский голосок.

– Ты обещала на могиле бабушки, что не станешь больше покупать книги рецептов! Ты не готовишь! У тебя нет аллергии на глютен!

Почему голос у нее дрожит от возмущения, если она никогда не ожидала выполнения этих напыщенных обещаний?

– Я не давала такого обещания! – заявила мать нормальным, недетским голосом, набравшись дерзости с негодованием ответить на возмущение Эрики. – По сути дела, последнее время я мучаюсь от ужасного метеоризма. У меня непереносимость глютена, благодарю тебя! Извини, что докучаю тебе проблемами своего здоровья.

Не реагируй. Не поддавайся на эмоциональные провокации. Именно в таких случаях мать расходует тысячи долларов на лечение.

– Ладно, мама, приятно было поболтать, – не давая матери возможности ответить, быстро, как агент по телемаркетингу, проговорила Эрика, – но я на работе, мне пора. Поговорим позже.

Она быстро дала отбой и уронила телефон на колени.

Водитель такси замер на своем сиденье, делая вид, будто не слушает. Только руки его двигались на рулевом колесе. Что это за дочь, которая отказывается пойти в гости к матери? Что за дочь с таким негодованием говорит с матерью о покупке новой книги рецептов?

Она заморгала.

У нее снова зазвонил телефон, и она так сильно вздрогнула, что он чуть не соскользнул с ее колен. Наверное, опять мать – звонит, чтобы сказать какую-нибудь гадость.

Но это была не мать. Это был Оливер.

– Привет, – произнесла Эрика, едва не разрыдавшись от облегчения при звуках его голоса. – Только что весело поговорила с мамой. Она хочет, чтобы мы пришли к ней на обед в воскресенье.

– Но мы ведь должны быть у нее только в следующем месяце, да?

– Да. Она пытается расширить границы.

– С тобой все хорошо?

– Угу. – Эрика провела кончиком пальца под глазами. – Все хорошо.

– Точно?

– Да. Спасибо.

– Просто выкинь ее из головы. Послушай, ты ходила на выступление Клементины в библиотеку?

Эрика откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Черт побери! Ну конечно. Вот зачем он звонит. Клементина. Эрика собиралась поговорить с Клементиной за чашкой кофе после ее выступления. Оливера не слишком интересовало, зачем Эрике идти на выступление. Он не понимал ее навязчивого желания заполнить провалы в памяти. Он считал это неуместным, едва ли не глупым.

– Поверь мне, ты запомнила все, что собиралась запомнить, – сказал он тогда. Произнеся слова «поверь мне», он сжал губы, глаза смотрели строго. Мимолетное напоминание о неутраченной боли, в существовании которой он не признался бы. – Провалы

в памяти бывают у сильно пьющего человека.

Это был не ее случай. Однако Оливер видел в этом прекрасную возможность поговорить с Клементиной, наконец припереть ее к стенке.

Надо было Эрике попросить и его тоже прислать голосовую почту.

– Да, ходила. Но ушла с середины. Мне стало нехорошо.

– Значит, ты не поговорила с Клементиной?

По его голосу она поняла, что он изо всех сил пытается скрыть разочарование.

– Не сегодня, – сказала она. – Не беспокойся. Найду подходящее время. Во всяком случае, тот ресторанный дворик не лучшее место.

– Сейчас я как раз просматриваю свой ежедневник. С барбекю прошло два месяца. Думаю, она не обидится на твой вопрос. Просто позвони ей. Не обязательно встречаться.

– Знаю. Мне так неловко.

– Не стоит смущаться. Все это довольно сложно. В этом нет твоей вины.

– Прежде всего я виновата в том, что мы пошли на барбекю.

Оливер не стал бы снимать с нее эту вину. Он был скрупулезен до мелочей. Они всегда в этом сходились – в пристрастии к точности.

Таксист ударил по тормозам:

– Ах ты, придурочный водила! Чертов гусак!

Чтобы удержаться на месте, Эрика уперлась ладонью в сиденье.

– Это не важно, – сказал Оливер.

– Для меня важно.

Телефон загудел, предупреждая о другом звонке. Должно быть, мать. Тот факт, что она перезвонила через пару минут, означает, что ругани она предпочла слезы. Для слез требуется больше времени.

– Не знаю, Эрика, что ты ожидаешь от меня услышать на этот счет, – с тревогой произнес Оливер. Он полагал, что в конце книги есть правильный ответ. Что существует секретный набор правил взаимоотношений, известных ей, поскольку она женщина, но что она умышленно их утаивает. – Просто... поговори с Клементиной, а?

– Поговорю, – пообещала Эрика. – Увидимся вечером.

Переведя телефон на режим без звука, она положила его в сумку. Водитель включил радио. Должно быть, отказался от мысли искать у нее совета по части бухгалтерии, решив, что не стоит доверять профессиональным советам человека с подобной личной жизнью.

Эрика подумала о Клементине, которая, вероятно, заканчивала свою маленькую речь под вежливые аплодисменты слушателей. Не будет криков «браво», оваций стоя, букетов за кулисами.

Бедная Клементина! Для нее это, наверное, было унижительно.

Оливер прав: решение пойти на барбекю не имело значения. Невозвратимые издержки. Эрика прислонила голову к спинке сиденья, закрыла глаза, и перед ее мысленным взором возник приближающийся к ней в вихре осенних листьев серебристый автомобиль...

Когда Эрика въезжала в свой тупичок, ее глазам предстало странное, феерическое зрелище. Кто-то наконец выехал на серебристом «БМВ», уже полгода стоявшем у дома Ричардсонов, но даже не позаботился смахнуть слой красных и золотистых осенних листьев с капота и крыши. Поэтому, когда он поехал – гораздо быстрее, чем разрешается в жилых районах, – листья полетели вихрем, словно за автомобилем следовал мини-торнадо.

Когда листья рассеялись, Эрика увидела своего соседа Вида, который стоял в конце подъездной дорожки, наблюдая за отъезжающей машиной. Луч света, вспыхнув, отразился от его солнцезащитных очков.

Эрика притормозила рядом с ним и опустила боковое стекло:

– С добрым утром! Кто-то наконец убрал ту машину!

– Да, наверное, завершили сделку с наркотиками, как считаешь? – Вид наклонился к машине, подняв очки на лоб, осененный пышными седыми волосами. – Или, может быть, знаешь, это была мафия?

– Ха-ха! – Эрика натянуто рассмеялась, потому что сам Вид очень напоминал успешного гангстера.

– Знаешь, а сегодня день что надо. Посмотри! Правда ведь? – Он с удовольствием показал на небо, как будто сам приобрел этот день, заплатив дополнительно и заслуженно получив качественный продукт.

– Прекрасная погода! – откликнулась Эрика. – Вышел погулять?

Вид недовольно скривился:

– Я? Погулять? Нет. – Он показал зажатую в пальцах зажженную сигарету и свернутую трубочкой газету в другой руке. – Знаешь, просто вышел за газетой.

Эрика напомнила себе, что не стоит считать, сколько раз Вид сказал «знаешь». Фиксация речевых особенностей человека говорит о неврозе навязчивых состояний. Последнее наблюдение над Видом: одиннадцать раз во время двухминутной диатрибы по поводу удаления из меню местной пиццерии пиццы с копченой панчеттой. Вид не мог в это поверить, просто не мог, знаешь. Когда он волновался, его «знаешь» учащались и ускорялись.

Эрика вполне сознавала, что некоторые из ее поступков можно, в принципе, отнести к неврозу навязчивых состояний.

– Эрика, я не стала бы чересчур увлекаться ярлыками, – сказала как-то ее психолог с натянутой улыбкой, всегда сопровождающей попытки Эрики поставить себе диагноз.

Начав курс психотерапии, Эрика подписалась на «Психологию сегодня» – просто чтобы ознакомиться с предметом. И так этим увлеклась, что недавно начала осваивать список литературы для первого курса по психологии и бихевиоральным наукам для Кембриджа. Только из интереса, как сказала она психологу, и та восприняла это без особого энтузиазма.

– Знаешь, один чокнутый парень гоняет по улице и швыряет из машины газеты, как будто это гранаты в чертовой Сирии. – Вид взмахнул, как гранатой, свернутой в трубочку газетой. – А ты чем занималась? Ездила за покупками?

Он взглянул на небольшую кипу пластиковых пакетов на заднем сиденье ее машины и

глубоко затянулся сигаретой, выпустив из уголка рта облачко дыма.

– Да, всякую всячину.

– Всякую всячину, – повторил Вид, как будто раньше не слышал этого выражения.

Может быть, и не слышал. Он взглянул на Эрику испытующе, почти разочарованно, словно надеялся на продолжение.

– Да. К вечернему чаю. К нам на чай придут Клементина с Сэмом и малышками. Это мои друзья, Клементина и Сэм. Ты ведь встречался с ними у меня?

Она прекрасно знала, что Вид их помнит. Она познакомила его с Клементиной, чтобы привлечь к себе его интерес. Это все, что она могла предложить Виду, – Клементину.

Лицо Вида моментально просияло.

– Твоя подруга, виолончелистка! – радостно произнес Вид. Он буквально причмокнул губами при слове «виолончелистка». – И ее муж, которому медведь на ухо наступил! Какая незадача, а?

– Ну, он любит говорить, что у него нет слуха. По-моему, на самом деле он...

– Классный парень! Он был – как вы это называете – менеджером по маркетингу в компании «Эф-Эм-Си-Джи», занимался продвижением... э-э... ходовых потребительских товаров. Что бы это ни значило, черт возьми! Но как ему удалось? Хорошая память, да? У меня память как стальной капкан – так я говорю жене.

– Ну, он поменял работу, сейчас служит в компании по выпуску энергетических напитков.

– Энергетических напитков? Как бы то ни было, Сэм и Клементина – хорошие люди, классные ребята, знаешь! Знаешь, приходите все к нам в гости на барбекю! Да, мы устроим барбекю! Знаешь, воспользуемся этой изумительной погодой! Я настаиваю. Непременно!

– О-о, – сказала Эрика. – Как мило с твоей стороны пригласить нас.

Ей следует сказать «нет». Она прекрасно умеет говорить «нет». Она без проблем может сказать человеку «нет». По сути дела, она гордится своим умением отказывать. К тому же Оливер не захочет менять планы на сегодня. Это слишком важно. Сегодня решающий день, возможно, переломный момент ее жизни.

– Я зажарю свинину на шампурах! По-словенски. Ну, не совсем по-словенски, а по моему способу. Ты никогда ничего подобного не пробовала. Твоя подруга. Клементина. Помню. Знаешь, она гурман. Как и я. – Он похлопал себя по животу.

– Что ж... – сказала Эрика.

Она вновь посмотрела на пластиковые пакеты в машине. Всю дорогу из магазина она поглядывала на свои покупки, тревожась, что этого не хватит. Надо было взять побольше. Что с ней случилось? Почему она не купила деликатесов?

Кроме того, она выбрала крекеры с кунжутом, а с кунжутом что-то связано. Любит Клементина кунжут или терпеть не может?

– Что скажешь? – спросил Вид. – Тиффани будет рада тебя видеть.

– Правда?

Большинство жен не стали бы приветствовать незапланированное барбекю, но жена Вида в самом деле казалась почти такой же общительной, как он. Эрика вспомнила тот первый раз, когда она познакомила своих ближайших друзей с коммуникабельными соседями. Тогда в приступе сумасшествия, разыгрывая из себя радушных хозяев, получающих удовольствие от веселья в кругу друзей, они с Оливером пригласили к себе на Рождество и соседей тоже. И она, и Оливер ежеминутно страдали. Развлечение гостей всегда было для

Эрики обременительным, поскольку у нее не доставало в этом опыта, и к тому же где-то в глубине души она гостей боялась и презирала.

– И у них есть две малышки, верно? – продолжал Вид. – Наша Дакота с удовольствием поиграет с ними.

– Да. Правда они намного моложе Дакоты.

– Даже и лучше! Знаешь, Дакота любит играть с маленькими девочками, изображая старшую сестру, знаешь. Заплетает им косички, красит ногти, знаешь, и всем очень весело!

Эрика пробежала пальцами по рулю. Она посмотрела на свой дом. Низкая живая изгородь, окаймляющая дорожку к входной двери, только что подстриженная с идеальной аккуратностью. Ставни открыты. Вымытые, без разводов, окна. Нечего скрывать. С улицы видна красная веронская лампа. И это все. Только лампа. Изысканная лампа. Когда Эрика подъезжала к дому на машине, один только вид этой лампы наполнял ее гордостью и покоем. Сейчас Оливер был дома, пылесосил комнаты. Эрика уже пылесосила вчера, так что это было излишеством. Избыточная уборка. Даже как-то неловко.

Начав жить самостоятельно и занимаясь домашним хозяйством, Эрика задавалась вопросом: а как часто нормальные люди пылесосят дом? Четкий ответ ей дала мать Клементины: раз в неделю, к примеру каждое воскресенье. Выбираешь подходящее для себя время, и это входит в привычку. Эрика добросовестно следовала правилам жизни Пэм, в то время как Клементина сознательно игнорировала их. Однажды она призналась Эрике:

– Мы с Сэмом даже забываем, что есть такая штука, как пылесос. Правда, когда уборка сделана, мы чувствуем себя лучше и говорим: «Давай пылесосить чаще!» Это типа того, когда мы вспоминаем, что надо заняться сексом.

Эрика пришла в изумление как от пылесоса, так и от секса. Она понимала, что они с Оливером более формально ведут себя на публике по сравнению с другими парами, не поддразнивают друг друга (им нравилось, чтобы все было ясно и не истолковывалось неправильно), но – боже правый! – они никогда не забывают про секс.

Прибранный дом никак не повлияет на исход предстоящей вечеринки – не более чем кунжут.

– Свинина на шампурах, да? – Эрика кокетливо наклонила голову набок, как сделала бы в подобной ситуации Клементина. Иногда она перенимала манерность Клементины, но только когда той не было рядом, чтобы ее не уличили в подражании. – Ты хочешь сказать, у тебя припасена где-то лишняя хрюшка, которая ждет, чтобы ее зажарили?

Довольный ее ответом, Вид ухмыльнулся и ткнул в ее сторону сигаретой. В машине повеяло дымом.

– Не беспокойся на этот счет, Эрика. – Он произнес ее имя с ударением на втором слоге, отчего оно звучало более экзотично. – Знаешь, мы все устроим. Когда к тебе приходит твоя подруга? В два, три?

– В три.

Эрика уже сожалела о собственном кокетстве. О господи, что она наделала?

Она посмотрела мимо Вида и увидела Гарри, одинокого старика, жившего по соседству с Видом. Он стоял на лужайке рядом с кустом камелии, держа в руках садовые ножницы. Их глаза встретились, и она приветственно подняла руку, но он сразу отвел взгляд и ушел из поля зрения в угол сада.

– Наш друг Гарри сидит в засаде? – не оборачиваясь, спросил Вид.

– Да. Уже ушел.

– Значит, в три часа? – Вид энергично постучал костяшками пальцев по боку ее машины. – Ждем вас.

– Хорошо, – слабым голосом произнесла Эрика.

Она смотрела, как Оливер открывает входную дверь и выходит на порог с мешком мусора. Он разозлится на нее.

– Отлично. Замечательно!

Выпрямившись, Вид встретился взглядом с Оливером, который улыбался и махал ему рукой.

– Приятель! – проревел Вид. – Ждем вас сегодня на барбекю!

Улыбка с лица Оливера исчезла.

Клементина выезжала с парковки у библиотеки в легкой панике. Одной рукой держась за руль, другой она нащупывала рычажок антизапотевателя, потому что лобовое стекло неожиданно предательски запотело и местами стало совсем непрозрачным. Она уже опаздывала на двадцать минут!

Закончив выступление под нерешительные, приглушенные хлопки слушателей, она пробиралась к двери через небольшую, но плотную группу жаждущих бесплатного утреннего чая. По пути с ней пытались заговорить. Одна женщина хотела обнять ее и потрепать по щеке. Мужчина, у которого позже она заметила татуировку в виде штрихкода на шее сзади, жаждал услышать ее соображения по поводу муниципальных планов реконструкции бассейна и, казалось, не поверил ее словам о том, что она не местная и поэтому ничего не может сказать. Миниатюрная седовласая дама предложила ей кусочек морковного торта, завернутого в розовую салфетку.

Она съела морковный торт. Он был очень вкусным. Вот так-то.

К счастью, лобовое стекло расчистилось, и она повернула налево от парковки, потому что всегда по умолчанию поворачивала налево, если не знала, куда ехать.

– Ну давай говори, – обратилась она к автомобильному навигатору. – Это твоя работа. Начинай.

Навигатору надлежало побыстрее проводить ее до дому, чтобы она смогла вовремя успеть к подруге Энсли и сыграть на виолончели перед ней и ее мужем Хью свои произведения. Через две недели состоится прослушивание.

– Значит, ты все-таки поступаешь на эту работу? – с удивлением и, возможно, осуждением спросила на прошлой неделе у нее мать.

Но последнее время Клементине во всем слышалось осуждение, так что она могла это просто вообразить.

– Да, я все-таки пойду на прослушивание, – холодно ответила она, и мать больше ничего не сказала.

Клементина ехала медленно, ожидая инструкций, но навигатор молчал, как будто раздумывая.

– Скажешь мне, куда ехать?

Очевидно, нет. Подъехав к светофору, она повернула налево. Нельзя все время поворачивать налево, а иначе она будет ездить по кругу. Так ведь? Когда она приедет домой и расскажет об этом Сэму, он будет смеяться, по-доброму поддразнивать ее и предложит купить новый навигатор.

– Ненавижу тебя, – сказала Клементина молчащему прибору. – Ненавижу и презираю.

Навигатор проигнорировал ее, и Клементина стала всматриваться в пелену дождя в поисках какого-нибудь знака. От напряжения у нее разболелась голова.

Не следовало ей приезжать под дождем с другого конца Сиднея в этот скучный незнакомый пригород. Нужно было остаться дома и репетировать. Вот чем ей следовало заняться.

Куда бы она ни шла, что бы ни делала, какая-то часть ее сознания всегда рисовала какую-то воображаемую жизнь, протекающую параллельно реальной, в которой Эрика звонит и говорит: «Вид пригласил нас на барбекю» – а Клементина отвечает: «Нет, спасибо».

Два простых слова. Вид не обиделся бы. Они же едва знакомы.

Накануне вечером на исполнении симфонии Вида не было. Это воображение сыграло с ней злую шутку, когда в море человеческих лиц ей померещилось его крупное лицо.

Сегодня, по крайней мере, она была готова увидеть Эрику среди публики, хотя, впервые заметив ее, прямо, как на похоронах, сидящую в последнем ряду и улыбающуюся ей, Клементина почувствовала, что ее мутит. Зачем она пригласила подругу прийти? Это было как-то странно. Если Эрика считала, что это выступление – то же самое, что концерт, то все равно не в ее характере посреди рабочего дня ехать из Северного Сиднея слушать историю, которую она уже знала. А потом она встает и уходит с середины выступления! Эрика послала эсэмэску о проблеме на службе, но это казалось маловероятным. Наверняка нет такой бухгалтерской проблемы, которая не может подождать двадцать минут.

Когда Эрика ушла, Клементине стало легче. Ее смущало это напряженное лицо, как магнитом притягивающее внимание. В какой-то момент ей пришла в голову неуместная, посторонняя мысль о том, что светлые волосы Эрики подстрижены так же, как у матери Клементины. Деловая симметричная стрижка по плечи с челкой до бровей. Эрика боготворила мать Клементины. Это было умышленное или подсознательное подражание, но никак не совпадение.

Клементина увидела знак, указывающий в сторону города, и быстро перестроилась. Именно в этот момент навигатор проснулся и женским голосом с аристократическим английским акцентом велел ей «повернуть направо».

– Да, я уже сама догадалась, но тем не менее спасибо, – сказала она.

На одном из стеклоочистителей сместилась резинка, и каждый третий взмах сопровождался пронзительным скрипом, с каким в ужасниках медленно открываются двери.

Скри-ип. Два. Три. Скри-ип. Два. Три. Ей представились неуклюже вальсирующие зомби.

Она позвонит Эрике сегодня. Или завтра утром. Эрике нужен ответ. Прошло уже достаточно времени. Разумеется, ответ был только один, но Клементина уже выждала нужное время.

Не думай об этом сейчас. Думай только о прослушивании. Ей нужно сосредоточиться на одном, как советовали статьи в «Фейсбуке». Мужчины, вероятно, лучше умеют сосредоточиваться, они уделяют все внимание тому, чем занимаются. Но вот Сэм, к примеру, способен делать разом несколько дел. Он может готовить ризотто, одновременно разгружая посудомоечную машину и играя в развивающую игру с девочками. Это Клементина витает в облаках – садится за виолончель, забывая, что у нее что-то готовится в духовке. Именно она однажды забыла (о ужас!) забрать Холли с дня рождения. Сэм на такое не способен. «Ваша мама такая рассеянная», – иногда говорит он девочкам, но говорит это с любовью. Может быть, она воображает себе, что с любовью. Она больше не знает, что о ней думают близкие: мать, муж, подруга. Возможно все, что угодно.

Она опять подумала о замечании матери: «Так ты все же поступаешь на эту работу?» Даже до рождения детей она не готовилась столь усиленно к прослушиванию. А когда появились дети, из жалости к себе любила повторять: «Я работающая мать с двумя маленькими детьми! Горе мне! Совершенно не хватает времени!» Но фактически времени может хватить, если меньше спать. Теперь она ложится в полночь вместо десяти часов, а встает в пять вместо семи.

Постоянное недосыпание вызывает у нее не лишнее приятности ощущение легкой заторможенности. Она чувствует отстраненность от всех аспектов своей жизни. У нее не

остается времени копаться в своих чувствах, словно они предмет национального достояния. Клементина очень нервничает по поводу предстоящего прослушивания! Клементина не уверена в своих возможностях. Ну перестань себя мучить, поговори с друзьями-музыкантами, пусть они тебя подбодрят.

Хватит! Постоянная самоирония тоже не особенно продуктивна. Сосредоточься на технических вопросах. Она мысленно обратилась к отвлекающей технической проблеме – например, постановка пальцев в начале арпеджио у Бетховена. Она продолжала размышлять. Более сложный вариант может дать лучший результат, но если она будет нервничать, то можно ошибиться.

Что это там впереди – пробка? Ей нельзя опаздывать. Друзья готовы пожертвовать для нее своим временем, ничего не прося взамен. Настоящий альтруизм. Она посмотрела на остановившийся транспорт и почувствовала себя в ловушке из множества красных стоп-сигналов, с накинутой на шею петлей ремня безопасности.

Машины поехали. Отлично. Она услышала собственный выдох, хотя не сознавала, что перед тем задержала дыхание.

Вечером за ужином она спросит Сэма, досаждают ли ему те же бесцельные вопросы типа «а что, если?». Может быть, у них получится разговор. «Целительный разговор», как сказала бы ее мать.

Сегодня они идут на ужин-свидание. Еще одно современное выражение, раскопанное ее матерью. «Вам, ребята, нужен ужин-свидание!» Ее и Сэма с души воротило от этого выражения, но они все же собирались на ужин в ресторан, выбранный матерью Клементины. Мать согласилась посидеть с детьми и даже сама заказала столик.

– Способность прощать – удел сильного, – говорила ей мать. – По-моему, это сказал Ганди.

Дверца маминого холодильника была залеплена воодушевляющими цитатами, нацарапанными на клочках бумаги и прижатыми магнитиками. На магнитиках тоже были цитаты.

Может быть, сегодня все будет хорошо. Может, будет даже весело. Она пыталась быть позитивной. Один из них должен быть позитивным. Ее машина приблизилась к водосточной трубе, и дверцу с ревом обдала огромная волна. Клементина в сердцах выругалась.

Создавалось впечатление, что дождь идет с самого дня барбекю, но она знала, что это не так. Ее жизнь до барбекю казалась ей залитой золотистым солнечным светом. Голубые небеса. Легкий ветерок. Словно дождей никогда не бывало.

– Поверните налево, – заявил навигатор.

– Что? Здесь? – спросила Клементина. – Ты уверена? Или это следующий поворот? По-моему, ты имела в виду следующий.

И она продолжала ехать.

– Развернитесь в разрешенном месте, – произнес навигатор с чем-то похожим на вздох.

– Извини, – покорно проговорила Клементина.

Солнечный свет заливал кухню. Клементина, одетая в пижаму, занималась бегом на месте, а ее муж Сэм тоном старшины ревел:

– Беги, солдат, беги!

Их двухлетняя дочь Руби, тоже в пижаме, со спутанными светлыми волосами, бежала рядом с Клементиной, подскакивая, как кукла на веревочке, и хихикая. В одной пухлой ручонке она сжимала кусочек круассана, а в другой – металлический веничек с деревянной ручкой. Хотя никто больше не считал Веничек простым кухонным приспособлением. Каждый вечер Руби купала Веничек и укладывала спать в обувную коробку.

– Зачем я бегаю? – тяжело дышала Клементина. – Я не люблю бегать!

Утром Сэм с горящим взором объявил, что разработал несложный план, который поможет разрулить эту ситуацию. Накануне он долго не ложился спать.

Сначала она должна выполнить энергичный бег на месте в течение пяти минут.

– Не задавай вопросов, просто следуй указаниям! – сказал Сэм. – Поднимай колени! Дыши ровнее!

Клементина старалась поднимать колени.

Должно быть, он нашел в Интернете указания для прослушивания с оркестром, и первое указание было восхитительно банальным, вроде: «Упражняйтесь! Постарайтесь обрести наилучшую физическую форму».

Быть замужем за немусикантом несет в себе некоторые проблемы. Музыкант догадался бы, что единственный способ помочь ей подготовиться к прослушиванию – это вывести девочек с утра на прогулку, чтобы у нее было время поиграть, перед тем как идти в гости к Эрике. Дело нехитрое, солдат.

– Еще две минуты! – Сэм разглядывал ее. Небритый, в футболке и боксерах. – В сущности, тебе понадобится еще минута, ты не в такой уж хорошей форме.

– Прекращаю, – сказала Клементина, переходя на трусцу.

– Нет! Нельзя останавливаться. Когда увеличивается частота пульса, это как бы моделирует твоё волнение при прослушивании. Как только пульс участился, можешь сразу начинать играть свои отрывки.

– Что? Нет, я не собираюсь сейчас играть. – Ей требовалось время, чтобы тщательно подготовить отрывки. – Хочу еще кофе.

– Беги, солдат, беги! – заорал Сэм.

– О, ради бога, прошу тебя!

Она продолжала бежать. Ей не повредит немного поупражняться. Хотя немалый вред уже ощущался.

Цокая высокими каблуками материнских туфель, в гостиную вбежала Холли, их пятилетняя (если точно, пяти лет и девяти месяцев) дочь, одетая в пижамные штаны и старое, рваное платье принцессы. Положила руку на отставленное бедро, словно стояла на красной ковровой дорожке в ожидании восторгов публики.

– Ух ты! Взгляните на Холли, – почтительно произнес Сэм. – Пока не ушиблась, сними

эти туфли.

– Зачем вы обе... *бежите*? – спросила Холли у сестры с матерью.

Она согнула пальцы, изображая знак кавычек на слове «бежите». Недавно у нее появилась эта новая утонченная привычка, правда, она считала, что можно взять наугад любое слово и заключить его в кавычки. Чем больше слов, тем лучше.

– Перестаньте. – Она нахмурилась.

– Твой папа заставляет меня, – выдохнула Клементина.

Руби вдруг наскучило бегать, и она плюхнулась на попку. Осторожно положила кусочек круассана на пол и принялась сосать большой палец, как курильщик сосет трубку.

– Папа, не заставляй больше мамочку бегать! – потребовала Холли. – Она смешно дышит!

– Я смешно дышу, – согласилась Клементина.

– Превосходно, – сказал Сэм. – Сейчас она совсем задохнется. Девочки! Пойдем со мной! Нам надо сделать кое-что важное. Холли, я же сказал, сними туфли, пока не ушиблась!

Он схватил Руби и зажал ее под мышкой, как футбольный мяч. Пока он бежал по коридору, она визжала от восторга. Холли, проигнорировав его указание по поводу туфель, цокала следом.

– Продолжай бег, пока мы тебя не позовем! – прокричал Сэм из гостиной.

Клементина, такая же непослушная, как Холли, теперь едва перебирала ногами.

– Мы готовы! – позвал Сэм.

Посмеиваясь и тяжело дыша, она вошла в гостиную и остановилась на пороге. Мебель была отодвинута в углы, в середине комнаты стоял одинокий стул, а перед ним – пюпитр для нот. К стулу была прислонена виолончель, шпиль которой упирался в пол из твердой древесины, где он оставит очередную крошечную вмятину. С потолка свешивалась двuspальная простыня, разделяя комнату. За ней сидели Холли, Руби и Сэм. Она слышала, как Руби хихикает.

Вот почему Сэм был так возбужден. Он оформил комнату в виде зала для прослушивания. Белая простыня играла роль черной ширмы, за которой, наподобие невидимой расстрельной команды, вершила свой суд безликая и молчаливая экспертная комиссия, если не считать редких пугающих шорохов или покашливаний и громкого, скучающего, надменного голоса, который мог в любой момент прервать ее игру словами: «Достаточно, благодарю вас».

Автоматический, интуитивный отклик ее тела на вид этого одинокого стула удивил и даже смутил ее. В голове промелькнул каскад воспоминаний о каждом из бывших ее прослушиваний. Тот раз, когда для всех была одна репетиционная комната – очень жаркая, душная и шумная, набитая весьма одаренными с виду музыкантами. В какой-то момент все завертелось перед ее глазами, и французский виолончелист робко протянул руку, чтобы подхватить выскользнувший из рук Клементины инструмент. Ей ничего не стоило упасть в обморок.

Или тот раз, когда она в первом туре прослушивания сыграла очень хорошо, допустив лишь обидную ошибку в концерто, даже не в сложном месте, – ошибку, которую никогда не допускала на концертах. Она так расстроилась, что три часа проплакала в кафе «Глория джинс», пока дама за соседним столиком передавала ей салфетки, а ее тогдашний бойфренд (гобоист с экземой) все повторял: «Тебе простят одну неверную ноту!» Он оказался прав: ей простили одну неверную ноту. Вечером ей позвонили, но она так выдохлась от рыданий, что

руки плохо ее слушались, и она не попала на последний тур.

– Сэм... – начала она.

Как это мило с его стороны, и она обожает его, но это не поможет.

– Привет, мамочка! – громко произнесла Руби из-за простыни.

– Привет, Руби, – отозвалась Клементина.

– Ш-ш-ш! – зашипел Сэм. – Никаких разговоров.

– Почему мама не «играет»? – спросила Холли.

Можно было и не смотреть на нее, чтобы понять, что она показывает знак кавычек.

– Не знаю, – ответил Сэм. – Если эта соискательница не будет играть, мы не дадим ей работу, да?

Клементина вздохнула. Пора приступать к игре. Она села на стул. Откусила кусочек банана. Каждый раз перед прослушиванием она съедала банан, поскольку считается, что бананы содержат натуральные бета-блокаторы, успокаивающие нервы. Теперь она не может есть бананы в любое другое время, потому что они заставляют ее думать о прослушивании.

Может быть, стоит опять попробовать настоящие бета-блокаторы. Хотя в тот раз, когда она их принимала, ей не понравилось ощущение: как будто рот забит ватой и в голове чертовски пусто, словно в мозгу что-то взорвалось.

– У мамочки уже есть работа, – сказала Холли. – Она и так виолончелистка.

– Это работа ее мечты, – пояснил Сэм.

– Что-то вроде того, – откликнулась Клементина.

– Что это такое? – спросил Сэм. – Кто это был? Мы не слышали, чтобы соискательница говорила, да? Она не разговаривает, она просто играет.

– Это была мама, – сказала Руби. – Привет, мамочка!

– Привет, Руби! – ответила Клементина, натирая смычок канифолью.

«Работа мечты» – это, пожалуй, чересчур. Если бы она мечтала об этом, могла бы уже стать солисткой с мировым именем. Но ей очень, очень нужна была эта должность: солистка Королевского камерного оркестра Сиднея. Полная занятость, коллеги, отпуск и график работы. Внештатный музыкант хотя и пользуется относительной свободой, но жизнь его беспорядочна и суетна – выступления на свадьбах и корпоративах, уроки, подмены и прочее. Теперь, когда старшая девочка пошла в школу, а младшая – в детскую группу, Клементина хотела вновь заняться карьерой.

Она знала уже всех музыкантов струнной группы оркестра, потому что время от времени играла там. «Значит, тебе будет несложно получить эту работу, верно? Ты ведь уже делаешь ее!» – сказала ей накануне мать, пребывая в счастливом неведении относительно жестокой конкуренции в музыкальном мире. Оба старших брата Клементины работали за границей инженерами. После университета их карьера неуклонно, логически продвигалась вперед. Они никогда не жаловались.

Ее ближайшие друзья из оркестра, супружеская пара – виолончелистка Энсли и контрабасист Хью, – которые войдут в комиссию за ширмой, решающую ее судьбу, очень ее подбадривали. Умом Клементина понимала, что имеет шанс. Только страх перед прослушиванием мешал осуществлению ее желания. Ужас перед ужасом.

– Вся суть в настрое, – сказал ей Сэм накануне вечером, словно этот совет был каким-то откровением. – Визуализация. Тебе необходимо мысленно представить себе, что прошла прослушивание.

Нехорошо по отношению к Сэму было думать, что пройти прослушивание в оркестре и

подготовиться к нему – не совсем то, что, скажем, подготовиться к презентации продаж и планов по маркетингу для нового шампуня против перхоти, в чем и заключалась работа Сэма. Может быть, это одно и то же. Она не знала. Не могла себе представить, чем люди занимаются в офисах, весь день сидя перед компьютерами. Сэм недавно перешел на новую работу – директора по маркетингу в более крупной и более динамичной компании, производящей энергетические напитки, и с большим воодушевлением ходил на службу. В его новом офисе было полно молодежи до тридцати лет. Иногда она улавливала в его голосе их монотонные интонации. Он находился еще в стадии медового месяца. Вчера он сказал что-то о прогрессивной корпоративной культуре, причем без иронии. Он начал работать там всего неделю назад. Прежде чем начать поддразнивать его, она даст ему небольшую отсрочку.

– Можно я пойду поиграю в айпад? – из-за простыни спросила Холли.

– Ш-ш-ш, мама сейчас будет играть, – сказал Сэм.

– Можно мне тогда что-нибудь съесть? – поинтересовалась Холли и сердито добавила: – Руби!

– Руби, перестань, пожалуйста, лизать сестру, – со вздохом произнес Сэм.

Клементина посмотрела вверх, стараясь не думать, каким образом простыня была прикреплена к потолку. Он не стал бы прищипливать ее кнопками к натяжному потолку, верно? Да. Он разумный человек. Она взяла смычок и установила виолончель.

Ноты стояли на пюпитре. Просматривая их вчера, она не обнаружила никаких сюрпризов. С Брамсом все будет хорошо. С Бетховеном тоже, если она убедительно сыграет вступление. «Дон Жуан», конечно, это сущее наказание, но ей просто нужно время. Она обрадовалась Малеру: пятая часть симфонии № 7. Может быть, сыграть сейчас Сэму Малера, пусть получит удовольствие и посчитает, что помог ей.

Настраивая инструмент, она, как наяву, услышала голос Марианны, говорящий с немецким акцентом: «Первое впечатление имеет значение! Даже когда настраиваешь инструмент! Нужно настраивать быстро, негромко и спокойно». На нее внезапно нахлынула печаль о старой преподавательнице музыки, хотя та умерла уже десять лет назад.

Клементина вспомнила тот случай, когда начала паниковать, потому что чересчур долго настраивала инструмент, и ей почудилось, что она ощущает нетерпение по ту сторону ширмы. Это было в Перте, и ей пришлось в жуткой обжигающей жаре нести идеально настроенную виолончель через прямоугольный двор, чтобы оказаться в ледяном концертном зале.

Все прослушивания были для нее сущим кошмаром, но одно оказалось особенно травмирующим. Контролер попросил ее перед выходом на сцену снять туфли, чтобы высокие каблуки не цокали по сцене, выдавая ее пол. Он также предложил воздержаться от покашливания, что тоже могло выдать пол. Он был просто одержим этим. Идя по сцене, она поскользнулась, ведь на ногах у нее были чулки (черные чулки по сорокаградусной жаре!), и вскрикнула, разумеется женским голосом. К тому моменту, как она настроила виолончель, она была как квашня. Вся дрожа и покрываясь испариной, она думала только о том, сколько денег потратила на перелеты и гостиницу, чтобы попасть на это прослушивание, которое не пройдет.

Боже правый, она ненавидела прослушивания! Если она получит эту работу, то никогда больше не пойдет на прослушивание.

– Руби! Вернись! Не трогай!

Простыня вдруг упала с потолка, и взору Клементины предстал сидящий на диване Сэм

с Холли на коленях. Руби с виноватым видом смотрела на обоих, испугавшись того, что наделала. Вокруг нее вздымалась простыня.

– Это сделал Веничек, – сказала Руби.

– Веничек этого не делал! – возразила Холли. – Это ты сделала!

– Ладно-ладно, – произнес Сэм. – Успокойтесь. – Он криво ухмыльнулся Клементине. – Мне в голову втемяшилась идея, что каждое воскресенье после завтрака мы будем устраивать шутовское прослушивание. Я подумал, будет весело и, может быть, даже... поможет, но вышло по-дурацки. Извини.

Холли сползла с колен Сэма и натянула простыню себе на голову. Руби залезла внутрь, и они стали шептаться.

– Совсем не по-дурацки, – сказала Клементина.

Она вспомнила о своем бывшем бойфренде Дине – контрабасисте, который играет теперь в Нью-Йоркском филармоническом оркестре. Вспомнила, как играла перед ним, а он кричал: «Сле-е-дующий!» – и указывал на дверь, чтобы показать, что ее исполнение не на уровне, а она разражалась слезами. «Блин, достала уже эта твоя неуверенность в себе», – с зевком говорил Дин. Черт, ты был заносчивым придурком, Дин, и не так уж ты был хорош, приятель!

– Пойду с девочками погулять, а ты сможешь поупражняться, – предложил Сэм.

– Спасибо, – ответила Клементина.

– Не надо меня благодарить. Не надо чувствовать себя благодарной. Seriously. Убери с лица этот признательный взгляд.

Она нарочно придала лицу пустое выражение, и Сэм рассмеялся, но она действительно была ему благодарна, и в этом состояла сложность, ибо она понимала, что это первый шаг на извилистом пути, в конце которого будет обида – беспричинная, но искренняя обида. И быть может, Сэм интуитивно чувствует это и упреждает ее благодарностью. Такое случалось уже и раньше. Он понимал, каким образом прослушивание повлияет на их жизнь в следующие два с половиной месяца, когда она будет постепенно сходить с ума от волнения и желания выкроить драгоценное время для упражнений из плотного графика. И сколько времени бедный Сэм ни освобождал бы для нее, этого будет недостаточно, потому что ей фактически нужно, чтобы он с детьми на время перестал существовать. Ей нужно перейти в другое измерение, где она будет незамужней женщиной без детей. Поселиться в горном шале (с хорошей акустикой), жить и дышать только музыкой. Совершать прогулки. Медитировать. Хорошо питаться. Выполнять все эти упражнения по позитивной визуализации для молодых музыкантов. У нее возникло даже ужасное подозрение: если ей на самом деле пришлось бы это сделать, она не так уж сильно скучала бы по Сэму и детям.

– Знаю, что, когда мне предстоит прослушивание, не так уж я мила, – сказала Клементина.

– О чем ты говоришь? Перед прослушиванием ты восхитительна.

Она сделала вид, что собирается пихнуть его в живот!

– Заткнись!

Он поймал ее за руку и, притянув к себе, обнял:

– Мы справимся. – (Она вдохнула его запах. Он опять вымыл голову детским шампунем «Без слез». Волосы на его груди были мягкими и пышными, как пушок цыпленка.) – Прорвемся.

Ей нравилось, что он говорит «мы». Он всегда это делал. А занимаясь ремонтом дома, в

котором она не принимала никакого участия, стараясь лишь не мешать, он осматривал работу, вытирал запыленное, потное лицо и говорил:

– У нас получится.

Ему легко давалось доброжелательство. Ей же приходилось немного притворяться.

– Ты хороший человек, Сэмюэль.

Это была фраза из какого-то телевизионного шоу, которое они смотрели на днях, и она часто повторяла эту фразу. Спасибо, и я люблю тебя.

– Я очень хороший человек, – согласился Сэм, отпуская ее. – Прекрасный человек. Возможно, великий. – Он смотрел, как под простыней шевелятся маленькие фигурки. – Ты видела Холли и Руби? – громко спросил он. – Я думал, они здесь, но теперь они куда-то пропали.

– Не знаю. Где они могут быть?

– Мы здесь! – пискнула Руби.

– Ш-ш-ш!

Холли очень серьезно относилась к подобным играм.

– Послушай, когда нас приглашали на чай к Эрике? – спросил Сэм. – Может, стоит отказаться? – с надеждой произнес он. – И ты сможешь заниматься весь день.

– Отменять нельзя. Эрика и Оливер хотят с нами увидеться. Она сказала, хочет что-то обсудить.

– Звучит зловеще, – поморщился Сэм. – Они ведь не употребляли слов «возможность инвестирования», да? Помнишь, как Лорен с Дэвидом пригласили нас на ужин только для того, чтобы вовлечь в свой дурацкий бизнес по производству экологически безопасных мочалок или черт его знает чего?

– Если Эрика с Оливером предложат нам возможность для инвестирования, мы воспользуемся ею. Определенно воспользуемся.

– Хорошее дело, – нахмурившись, сказал Сэм. – Спорим, они хотят, чтобы мы примкнули к «шутливому забегу». – Он выделил эти слова, изобразив кавычки, как Холли. – В благотворительных целях. Так, чтобы мы чувствовали себя обязанными.

– Мы их здорово затормозим, – сказала Клементина.

– Да, пожалуй. Ты затормозишь. Я-то не подкачаю с моим спортивным складом. – Сэм вновь нахмурился и задумчиво поскреб щеку. – О Иисусе, а что, если они предложат путешествие с палатками? Скажут, что это полезно для детей. Полезно быть на воздухе.

Эрика и Оливер сознательно не заводили детей, но тем не менее проявляли активный, даже собственнический интерес к Холли и Руби. Казалось, они осознанно выбрали систематический подход к жизни, чтобы быть гармоничными, самоактуализованными людьми: «Мы регулярно занимаемся физическими упражнениями, ходим в театр, читаем правильные книги, посещаем правильные выставки и проявляем искренний интерес к международной политике, социальным проблемам и очаровательным детям наших друзей».

Так думать несправедливо. Пожалуй, чудовищно несправедливо. Их интерес к детям совсем не показушный, и Клементина понимала: причина тому, что они держат свою жизнь под столь жестким контролем, не имеет ничего общего с духом соперничества.

– Может, они хотят оформить доверительную собственность на наших девочек? – сказал Сэм. Поразмыслив, он пожал плечами. – Я мог бы с этим примириться. Ведь я – мужик.

– Не настолько они богаты, – рассмеялась Клементина.

– Ты ведь не думаешь, что у кого-то из них есть какое-нибудь редкое генетическое

заболевание, а? – спросил Сэм. – Представь себе, как паршиво мне было бы тогда. – Он поморщился. – В последний раз Оливер был какой-то тощий.

– Они тощие из-за марафона, – рассеянно произнесла Клементина. – Уверена, в любом случае все будет нормально.

Она все же испытывала легкую тревогу по поводу сегодняшнего визита, но дело было, видимо, в предстоящем прослушивании, которое уже начинало вносить в ее жизнь примесь страха. А сейчас бояться было нечего. Просто послеполуденный чай в прекрасный солнечный день.

На краю парома стоял парнишка в мокром блестящем черном плаще, перекинув через руку кольцо толстой тяжелой веревки. Со своего места Сэм наблюдал за ним в окно. Паренек, прищурившись, старался разглядеть сквозь потоки дождя проступавшую из серого тумана пристань. Его молодое, гладкое лицо было покрыто дождевыми каплями. Паром сильно качало. Сэм вдыхал холодный соленый воздух. Парень взялся за петлю на конце веревки и высоко поднял ее, как ковбой, сидящий верхом на лошади. Потом бросил веревку, с первого раза накинув петлю на швартовую тумбу. После чего прыгнул с парома на пристань и сильно потянул за веревку, как будто таща паром к себе.

На вид парнишке было не больше пятнадцати, но он без особых усилий причалил паром. Подал знак капитану и громко объявил пассажирам, ожидавшим входа с зонтами и в плащах:

– Пристань «Круглая»!

Затем он перебросил с парома на причал сходни; раздался громкий металлический лязг. Пассажиры заспешили на паром, сгибаясь и прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от дождя, а парень бесстрашно стоял во весь рост.

Вот, посмотри, какая хорошая честная работа. Причаливать паромы. Сопровождать офисных работников на паромы и встречать их. Всего лишь парнишка, но по виду мужчина, не сгибаясь стоящий под дождем. Глядя на него, Сэм, в намокших брюках и рубашке в мелкую полоску, почувствовал себя слабым и рыхлым. Наверное, этому парнишке претила сама мысль об офисной работе. Он сказал бы: «Ни за что! Я бы чувствовал себя пойманной крысой».

Крыса, дергающая за рычажок, чтобы достать сыр. Как в тех старых опытах. Вчера Сэм сидел за письменным столом, как пойманная крыса, снова и снова нажимая мизинцем на букву «р», а большим пальцем на пробел, пока монитор не заполнился непрерывным рядом «р р р р р р р». Он занимался этим минут двадцать. Может быть, даже полчаса. Точно сказать он не мог. Это было его самым большим вчерашним достижением на работе. Экран, заполненный буквами «р».

Он наблюдал, как пассажиры с хмурыми лицами спешат на паром и отряхивают зонты. Парень, вероятно, даже не подозревал, что «белый воротничок» может целый день пробыть в офисе, ничем не занимаясь, то есть валяя дурака, и все же получать жалованье. Сэма прошиб холодный пот при мысли о том, как мало он успевает сделать на службе. Сегодня ему необходимо что-то сделать. Так больше продолжаться не может. Если он не сумеет сосредоточиться, то потеряет работу. У него еще не закончился испытательный срок. Его могут без труда уволить. В данный момент он выплывал за счет своей команды. У него в непосредственном подчинении четыре специалиста-технаря и около двадцати специалистов широкого профиля. Все они умнее его. Не он руководил ими, а они сами руководили собой, но это не может длиться вечно.

Будь Сэм «синим воротничком», он уже потерял бы эту работу. Он вспомнил об отце. Разве мог сантехник Стэн прийти к заказчику и просто сесть там, уставившись в пространство? Не мог он двадцать минут бессмысленно колотить гаечным ключом по трубе. Будь Сэм водопроводчиком, тогда ему пришлось бы сосредоточиться и его рассудок не стал бы постепенно угасать – или что, черт побери, с ним происходит? Не было разве у него двоюродной бабки с отцовской стороны, у которой случился нервный срыв? Может, у него

тоже что-то в этом роде. Нервы рассыпаются в прах, подобно пористому песчанику.

Покачиваясь, паром пошел через гавань, повез людей на службу. Глядя на попугачиков, Сэм вдруг подумал, что он среди них чужой. Он не один из этих корпоративных людей. В целом ему нравилась его работа, позволяющая без проблем оплачивать счета, но иногда бывало так, что он, проводя презентацию перед сотрудниками, на миг ощущал, что это все спектакль, что он изображает бизнесмена, которым его всегда мечтала видеть мать. Не врачом или юристом, а бизнесменом. Джой понятия не имела, чем занимается бизнесмен, знала только, что он носит галстук, а не комбинезон, что у него чистые ногти и что, раз у Сэма были хорошие оценки в школе, его наградой будет пленительный мир бизнеса. Он мог бы стать технарем, как его отец и братья, – мать не настаивала, только советовала, – но его подростковое «я» пассивно согласилось с этим, особо не раздумывая о своих истинных наклонностях, о том, что принесло бы удовлетворение. И вот он увяз в неправильной жизни, посредственный менеджер среднего звена, делающий вид, что увлечен маркетингом энергетических напитков.

Ну так что из того? Забей на это! Сколько пассажиров этого парома увлечены своей работой? Любовь к работе – не Богом данное право. Люди часто говорят Клементине: «Тебе так повезло, что ты занимаешься любимым делом». Она не до конца осознает эту привилегию. Иногда она отвечает: «Да, но у меня никогда не бывает уверенности, что я достаточно хороша». Ее волнения по поводу музыки всегда озадачивали и раздражали его, но сейчас он впервые понял, что означают ее слова: «Просто я чувствую, что не могу сегодня играть». Он вновь увидел экран компьютера с буквами «р» и запаниковал. Нельзя терять эту работу, не с их ипотекой. *У тебя семья, которую надо оберегать. Будь мужчиной. Возьми себя в руки. У тебя есть все, и ради чего ты этим рискуешь? Ради пустяка.* Он смотрел в окно на зеленовато-серую водяную рябь, в которую нырял паром, образуя белую пену. И услышал собственный голос, прозвучавший как обиженный писк маленькой девочки. Откашлялся, чтобы люди подумали, что он просто прочищает горло.

Сэм поймал себя на том, что вспоминает утро барбекю. Слово думал о ком-то другом – о приятеле или актере, играющем в фильме роль отца. Уж конечно, кто-то другой, а не он с важным видом вышагивает по залитому солнцем дому, вполне уверенный в себе и своем месте в этом мире. Как проходило то утро? Круассаны на завтрак. Он пытался организовать для Клементины шуточное прослушивание. Не получилось. Что было потом? Он собирался взять девочек на прогулку, чтобы Клементина смогла позаниматься. Они не могли найти кроссовку Руби со светящейся подошвой. Найдут они когда-нибудь эту чертову туфлю?

Если бы кто-нибудь в то утро спросил его, что он думает о своей жизни, он сказал бы, что счастлив. Доволен новой работой. По сути дела, в восторге от новой работы. Как он гордился тем, что договорился о гибком графике, чтобы продолжать выполнять отцовские обязанности – то, чем никогда не занимался его отец. Разве он не упивался похвалой, которую получал как преданный отец, и не смеялся сочувственно, но и радостно над тем, что Клементину никогда не хвалили как преданную мать?

У него могли быть сомнения о своей роли в корпоративном мире, но у него никогда не было сомнений о своей роли отца. Клементина говорила, что всегда угадывает, когда Сэм разговаривает по телефону со своим отцом, потому что он понижал голос. Он более охотно рассказывал отцу о том, что смастерил дома собственными руками, чем об успехах на работе. Его не смущало потрясенное выражение на лице отца, когда Клементина рассказывала тому, как здорово Сэм причесал Холли к выступлению по хореографии (лучше,

чем она сама), или как ловко переодевает Руби, или как купает ее. В роли мужа и отца Сэм был на сто процентов надежен. Он считал, что его отец просто не знает, чего лишился.

Если бы кто-нибудь в утро барбекю спросил о его мечтах, он сказал бы, что многого ему не нужно, но хорошо бы кредит поменьше, дом опрятней, хорошо бы еще ребенка, в идеале сына, но и девочке он будет рад, а также большущий катер, ну и чаще заниматься сексом. Он бы рассмеялся при упоминании о сексе. Или, по крайней мере, улыбнулся. Грустной улыбкой.

Может быть, улыбка получилась бы чем-то средним между грустной и горькой.

Он поймал себя на том, что горько улыбается, а женщина, сидящая через проход, встретилась с ним взглядом и быстро отвела глаза. Сэм перестал улыбаться и заметил, что его руки, лежащие на коленях, сжаты в кулаки. Он заставил себя разжать их. Выглядеть нормально.

Он взял газету, которую кто-то оставил на соседнем сиденье. Вчерашний выпуск. «Пожалуй, довольно» – прочел он заголовок над претенциозной фотографией очертаний зданий Сиднея в пелене дождя, снятой через забрызганное дождевыми каплями окно. Сэм попытался прочитать статью. В любой момент ожидается прорыв дамбы Варрагамба. Ливневые паводки по всему штату. Слова плясали у него перед глазами. Может быть, стоит проверить зрение. Теперь если он читает продолжительное время, то начинает нервничать и дергаться. Или вскидывает глаза с внезапным ужасом, словно пропустил что-то важное или уснул.

Он вскинул глаза и вновь встретился взглядом с той женщиной.

Черт побери, я не пытаюсь переглядываться с тобой! Не собираюсь клеить тебя. Я люблю жену.

Разве он все еще любит жену?

Он представил себе лицо Тиффани на освещенном солнцем заднем дворе. «Давай, Силач». Улыбка, напоминающая ласку. Он отвернулся к окну паррома, словно отмежевываясь от физического присутствия Тиффани, а не только от мысли о ней, и стал смотреть на бухточки и заливы Сиднейской гавани, над которой нависали серые хмурые небеса. Все как будто предвещало близкий конец света.

Он многое мог бы высказать Клементине. Упреки, хотя и знал, что стóит им сорваться с языка, как он пожалеет об этом. Поэтому загонял обидные слова глубже, и они застревали у него комком в горле, так что подчас он не мог нормально глотать.

Сегодня она проводит одну из этих бессмысленных публичных бесед, которыми теперь занимается. В какой-то библиотеке отдаленного предместья. Наверняка в такую погоду никто не придет. Зачем ей это надо? Ради этой работы, причем неоплачиваемой, она отказывается от выступлений на концертах. Для Сэма это было непостижимо. Зачем ей понадобилось оживлять в памяти тот день, тогда как Сэм изо всех сил старается погасить вспышки постыдных воспоминаний, то и дело возникающих у него в мозгу?

– Прошу прощения.

Сэм подпрыгнул. Правая рука его сильно дернулась, словно в попытке поймать что-то падающее.

– Что, где? – вскрикнул он.

В проходе стояла женщина в бежевом плаще, с широко раскрытыми глазами олененка Бэмби, боязливо скрестив на груди руки.

– Простите. Я не хотела напугать вас.

Сэма обуряла неподдельная ярость. Он представил себе, как бросается на нее, хватая за горло, трясет, как тряпичную куклу.

– Просто хотела спросить, ваша ли она. – Женщина кивнула на газету. – Прочитали уже?

– Извините, – хрипло произнес Сэм. – Глубоко задумался. – Он протянул ей газету дрожащей рукой. – Это не мое. Вот, пожалуйста.

– Спасибо. Простите, что так вышло, – снова сказала женщина.

– Все в порядке.

Она отошла от него. Он что, сходит с ума? Совсем ненормальным стал. Время идет, а он все больше слетает с катушек.

Сэм подождал, пока сердце не успокоится.

Потом снова повернулся к окну. Он увидел пассажирский терминал для заокеанских путешествий, вспомнил, что они с Клементиной собирались вечером сходить туда в ресторан. Модный, очень дорогой. Сэм не хотел идти. Нечего было ей сказать.

Пришла мысль: им следует расстаться. Не расстаться, а развестись. Это брак, приятель, тут не расстаются, как бойфренд с подружкой, а разводятся. Какая чушь! Они с Клементиной не собираются разводиться. У них все хорошо. И все же в этом слове было что-то удивительно притягательное: развестись. Это походило на решение. Если бы он смог отделиться, отстраниться, ему стало бы легче.

Он внезапно поднялся и ухватился за спинки сидений, чтобы сохранить равновесие, когда паром стало качать. Потом вышел на пустынную палубу. Холодный влажный воздух ожег лицо. Парнишка в плаще скользнул по нему равнодушным взглядом, словно Сэм был всего лишь частью унылого серого пейзажа.

Сэм ухватился за скользкие поручни по краю парома. Ему не хотелось оставаться здесь, не хотелось быть дома. Он хотел только вернуться назад во времени, оказаться на том нелепом заднем дворе, в тот момент в неясных сумерках, с мигающими поодаль китайскими фонариками, когда эта Тиффани, женщина, ничего для него не значащая, смеялась вместе с ним, а он не смотрел на потрясающие изгибы ее тела, не смотрел, но сознавал, что они есть. «Давай, Силач», – сказала она тогда.

Вот именно тогда ему и надо было нажать на «паузу».

Все, что ему было нужно, – это следующие за этим пять минут. Просто еще один шанс. Будь у него еще один шанс, он поступил бы как мужчина, каковым всегда себя считал.

– Давай забудем об этом, – сказала Клементина.

Был уже почти час дня, а Эрика ждала их на чай к трем. Сэм с девочками так и не пошли гулять, чтобы дать ей время позаниматься. Не получилось.

– Нет, – возразил Сэм. – Один маленький башмачок меня не одолеет. Я не сдамся.

Пропала одна из пары новых, очень дорогих кроссовок Руби со светящимися подошвами, а благодаря ее недавнему бурному росту ничего другое ей не годилось.

– Как там говорится в том стишке? – спросила Клементина. – «Не было гвоздя – подкова пропала, не было подковы – лошадь захромала»... и что-то еще, а потом «конница разбита, армия бежит».

– Что? – проворчал Сэм.

Он лежал плашмя на полу, высматривая кроссовку под диваном.

– Не было башмачка, пропало мое прослушивание, – пробормотала Клементина, убирая с того самого дивана подушки, под которыми оказались крошки, монеты, карандаши, заколки для волос, спортивный бюстгальтер, но никаких кроссовок.

– Что? – снова спросил Сэм, протягивая вперед руку. – Кажется, я ее вижу! – И достал запыленный носок.

– Это носок, – сказала Холли.

Сэм чихнул.

– Да, я знаю, что это носок. – Он уселся на пол, массируя плечи. – Мы тратим полжизни на то, чтобы найти свои пожитки. Нам нужны усовершенствованные системы. Процедуры. Для этого нужно приложение под названием «Где мое барахло?».

– Башмачок! – выкрикивала Руби. – Где ты? Башмачок!

Она расхаживала в одной кроссовке, наклонившись в сторону и время от времени топая ногой, чтобы зажглись разноцветные огоньки.

– Руби, у башмаков нет ушей, – снисходительно пояснила Холли.

– Эрика говорит, нам нужна обувная полка у двери. – Клементина водрузила подушки обратно. – Она говорит, надо приучать детей ставить туда обувь, как только входят в дом.

– Она права, – согласился Сэм. – Эта женщина всегда права.

Для человека, не желающего заводить собственных детей, Эрика в избытке обладала материнской мудростью, которой хотела непременно поделиться. Нельзя было спрашивать ее: «Откуда ты знаешь?», потому что она всегда цитировала источники. «Вот я прочитала статью в „Психологии сегодня“», – начнет она, бывало.

– Она, наверное, одна из этих вредных подруг, – сказала однажды Клементине ее подруга Энсли. – Надо от нее избавиться.

– Она не вредная, – ответила Клементина. – Разве у тебя нет подруг, которые тебя раздражают?

Она считала, у всех есть друзья, с которыми общаешься как бы из чувства долга. Если мать снимала трубку с особым стоическим выражением, словно говорящим: «Ну вот, опять», это означало, что звонит ее подруга Луиза.

– Ну уж не так, как достаёт тебя эта чувиха, – сказала Энсли.

Клементина никогда и ни за что не *избавилась* бы от Эрики. Эрика была крестной матерью Холли. Давно прошёл тот момент, если таковой вообще был, когда она могла бы прекратить эту дружбу. Нельзя поступать так с человеком. Как найти нужные слова? Эрика была бы раздавлена.

Так или иначе, в последние годы, когда Эрика встретила очаровательного серьёзного Оливера и вышла за него замуж, их дружбой стало гораздо проще управлять. И хотя Клементину раздражал выбор слов Энсли, «вредная» было как раз тем словом, которое объясняло, почему в присутствии Эрики ей так трудно было скрывать досаду и недовольство собой. Ведь Эрика не была ни злой, ни жестокой, ни глупой, она просто раздражала, а чрезмерная реакция Клементины на это приводила её саму в замешательство. Эрика любила Клементину. Ради неё она готова была на все. Так почему же она так бесила Клементину? Словно у неё аллергия на Эрику. За годы она научилась ограничивать проведённое вместе время. Как сегодня, например: Эрика предложила обед, а Клементина автоматически сказала: «Давай устроим чаепитие». Короче по времени. Меньше шансов выйти из себя.

– Пожалуйста, папочка, можно мне крекеров? – спросила Холли.

– Нет, – ответил Сэм. – Помоги найти кроссовку сестры.

– Девочки, не забудьте в гостях у Эрики и Оливера говорить «пожалуйста» и «спасибо», ладно? – сказала Клементина детям, пока те искали кроссовку за шторами. – Приятным громким голосом, да?

Холли рассердилась:

– Я и так говорю «пожалуйста» и «спасибо»! Только что сказала папе «пожалуйста».

– Знаю. Вот потому я об этом и вспомнила. Я подумала: «Какие хорошие манеры!»

Если Холли и Руби и забывали сказать «пожалуйста» или «спасибо», то это случалось при Эрике, которая имела привычку подчеркнуто напоминать детям о манерах, что казалось Клементине несколько невежливым. «Я услышала *спасибо*?» – говорила Эрика, подавая стакан воды и приложив ладонь к уху, а Холли отвечала: «Нет, не услышала».

Холли сняла обувь, взобралась в носках на спинку дивана, широко разведя руки для равновесия, как парашютист в затяжном прыжке, а потом упала лицом в подушки.

– Холли, не делай так, – сказал Сэм. – Я ведь говорил тебе. Можешь удариться.

– Мапочка мне разрешает, – надула губки Холли.

– Ну и напрасно. – Сэм взглянул на Клементину. – Сломаешь шею. Или очень, очень сильно ударишься.

– Холли, надень туфли, – велела Клементина. – Пока они тоже не потерялись.

Иногда она спрашивала себя: задумывается ли Сэм о том, как ей удастся не угробить детей, когда его нет и некому предусмотреть все опасности? Когда он был на работе, она всегда позволяла Холли нырять в диван со спинки. Девочки в основном хорошо усваивали различные правила поведения, когда папа был дома, хотя эти правила обычно не озвучивались. Просто это был невысказанный способ сохранения мира. Она догадывалась о других правилах по поводу овощей и чистки зубов, когда мамы не было дома.

Холли спустилась с дивана на пол:

– Мне скучно. Почему нельзя крекеров? Я очень хочу есть.

– Не ной, пожалуйста, – попросила Клементина.

– Но я такая голодная!

Руби тем временем с криками бродила по коридору:

– Башмачок! Где ты, мой милый башмачок?

– Мне правда нужен крекер. Всего один.

– Замолчи! – в один голос воскликнули Клементина и Сэм.

– Вы оба такие злые!

Холли развернулась, чтобы выбежать из комнаты, а по пути лягнула ножку дивана, который Сэм в поисках кроссовки развернул боком, и отчаянно завопила.

– Ах ты боже мой!

Клементина автоматически наклонилась, чтобы обнять девочку, забыв о том, что Холли требуется минута, чтобы совладать с гневом и успокоиться. Но Холли дернула головой, больно ударив Клементину в подбородок.

– Ой! – Клементина схватилась за подбородок. – Холли!

– Ну, блин! – воскликнул Сэм и быстро вышел из комнаты.

Теперь Холли была готова утешить. Она прижалась к матери, и та обняла дочку, хотя Клементине хотелось хорошенько встряхнуть ее, поскольку челюсть сильно болела. Она бормотала слова утешения, качая Холли на руках и бросая тоскливые взгляды на виолончель, которая с гордым видом прислонилась к стулу для так называемого прослушивания. Никто не предупредил тебя о том, что наличие детей практически сводит на нет твоё «я», потому что таланты, образование и успехи с ними ничего не значат.

Клементина вспомнила, как Эрика в шестнадцать лет вскользь сказала, что никогда не заведет детей, и Клементину это немного вывело из равновесия. И только позже она осознала причины своего раздражения. За всю жизнь накопилось много разных причин, почему Эрика раздражала ее, но однажды она спросила себя: а почему я не подумала об этом первой? Предполагалось, что Клементина немного ненормальная, креативная, богемная. Эрика – консерватор, выполняющая все правила. Не пьет спиртное на вечеринках и развозит друзей по домам. Эрика мечтала набрать достаточно баллов и сдать на бакалавра по бизнесу с двумя профилирующими дисциплинами – бухгалтерским делом и финансами. Эрика мечтала о собственном доме, доле в портфеле ценных бумаг и должности в одной из шести крупных финансовых фирм. Клементина мечтала учиться в консерватории, исполнять потрясающую музыку, испытать потрясающую страсть, а затем однажды, конечно же, остепениться и родить от хорошего мужчины детей, поскольку не об этом разве мечтает каждая женщина? Дети такие чудные! Наверное, то, что Клементине никогда не приходило в голову отказаться от мысли о детях, говорило о недостатке ее воображения.

У Эрики-то его было с избытком. Она отказывалась играть одну и ту же роль. Когда ей было семнадцать, Эрика стала готом – подумать только, Эрика! Она выкрасила волосы в черный цвет, ногти покрыла черным лаком, губы красила черной помадой, носила браслеты с заклепками и сапожки на платформе. «Ну и что?» – с вызовом спросила она, когда Клементина впервые увидела ее такой. Стиль рок-звезды у Эрики открывал им дорогу в крутые клубы; там она, нахмурившись, стояла у стены и попивала минералку с таким видом, будто обдумывает мрачные готские мысли, хотя, скорее всего, думала о домашнем задании. А между тем Клементина напивалась, танцевала и целовалась с неподходящими парнями, а потом рыдала всю дорогу домой, потому что, знаете ли, такова жизнь.

Теперь же Эрика носит неприметную, незапоминающуюся одежду – простую, практичную и удобную. Служит в большой финансовой фирме, и у нее есть опрятный дом с тремя спальнями (вероятно, купленный без ипотеки) неподалеку от того места, где они обе выросли. И сейчас Клементина, разумеется, не жалеет о своем желании иметь детей. Она

безумно любит их – да, конечно, – просто по временам думает, что они появились слишком рано. Имело бы смысл подождать до выплаты большей части стоимости дома и пока она не определится с карьерой.

Сэм хочет третьего ребенка, но это нелепо, невозможно. Когда он заговаривал об этом, она каждый раз меняла тему. Третий ребенок – это все равно что запустить змею в игре «змейки и лестницы». Неужели он всерьез думает об этом? Она надеялась, что в конце концов он образумится.

Сэм вновь появился в дверях и протянул Холли пакет с крекерами. Девочка спрыгнула с материнских коленей, волшебным образом успокоившись, и в тот же момент зазвонил телефон Клементины, лежавший на полке.

– Это Эрика, – беря телефон, сказала Клементина.

– Может быть, она отменит, – с надеждой произнес Сэм.

– Она никогда ничего не отменяет. – Клементина приложила телефон к уху. – Привет, Эрика.

– Это Эрика, – недовольным тоном произнесла Эрика, как будто Клементина в чем-то ее подвела.

– Знаю. Эта новомодная технология удивительна, она...

– Да, очень смешно, – прервала ее Эрика. – Послушай... Я насчет сегодня. По пути из магазинов я наткнулась на Вида. Помнишь Вида, моего соседа?

– Конечно помню. Как я могу забыть твоего соседа Вида? Великий электрик. Как Тони Сопрано. Мы любим твоего соседа Вида. – Подчас Эрика пробуждала в Клементине нечто вроде фривольности. – Женат на знойной Тиффани. – Она протяжно произнесла имя Тиффани. – Сэм просто обожает твою соседку Тиффани.

Она посмотрела через плечо на Сэма – узнал ли он имя? Сэм жестами изобразил впечатляющую фигуру Тиффани, а Клементина подняла большие пальцы. Они только раз встречались с соседями Эрики, на нелепой вечеринке с коктейлями в прошлое Рождество. Эта пара была лет на десять старше Клементины и Сэма, но выглядели они моложе.

– Ну, как бы то ни было, – продолжала Эрика, – я сказала Виду, что вы собираетесь ко мне в гости, и он пригласил всех нас на барбекю. У них дочь Дакота, ей около десяти, и он считает, она захочет поиграть с вашими девочками.

– Звучит здорово, – отозвалась Клементина, чувствуя, как у нее поднимается настроение.

Подойдя к окну, она стала смотреть на сверкающее голубое небо. День вдруг стал похожим на праздник. Барбекю. Не придется готовить ужин. Она возьмет с собой ту бутылку шампанского, которую подарила ей Энсли. Займется музыкой завтра. Ей нравилась эта черта ее характера – то, как ее настроение менялось от меланхолического к приподнятому из-за налетевшего ветерка, или аромата, или красивой последовательности аккордов. Это означало, что она никогда не упивалась своим подавленным настроением. «Чувиха, ты странная девчонка – такое чувство, что ты принимаешь наркотики», – сказал ей однажды брат Брайан. Она всегда помнила об этом замечании, и оно наполняло ее гордостью. Ага, я такая чокнутая. Хотя, вероятно, это как раз доказывало ее относительную нормальность. По-настоящему чокнутые люди обычно не думают об этом.

– Вид прямо заставил меня принять приглашение на барбекю, – как бы оправдываясь, проговорила Эрика.

Это было странно, потому что Клементина не замечала, чтобы Эрику можно было заставить что-либо сделать.

– Мы не возражаем, – сказала Клементина. – Нам они нравятся. Будет весело.

Улыбаясь, она смотрела, как Холли торжественно кружится по комнате с крекером, поднятым наподобие трофея. Холли унаследовала темперамент матери, и это было хорошо, за исключением тех случаев, когда их настроения не совпадали. Руби больше походила на Сэма – разумная и терпеливая. Накануне Клементина зашла в спальню девочек и увидела, что Руби сидит на полу рядом с Холли, ласково похлопывая ее по плечу. Холли с грустным видом плашмя лежала на полу, потому что нарисовала панду совсем не похожей на панду.

– Поплобуй еще! – сказала Руби с озадаченным выражением на лице, совсем как у Сэма, как бы говорившим: «Зачем так усложнять себе жизнь?»

– Ну ладно, хорошо. Весело, да? – откликнулась Эрика. У нее был расстроенный голос, словно она вовсе не планировала сегодня веселиться. – Просто... Оливер немного разозлился на меня за то, что я приняла приглашение Вида, поскольку, как я говорила, мы хотели обсудить с вами это... предложение, и он думает, что теперь у нас не будет возможности. Я подумала: может, после барбекю вы заглянете к нам на кофе? Если будет время.

– Конечно, – ответила Клементина. – Или даже перед тем, если хотите. Как получится. Все это так загадочно, Эрика. Может быть, намекнешь?

– Ах нет, не сейчас, – взволнованно проговорила та.

– Ну и хорошо. Поговорим об этом загадочном предложении после барбекю.

– Или до, – уточнила Эрика. – Ты сейчас сказала, что...

– Или до, – согласилась Клементина.

В этот момент в комнату вошла Руби, держа в каждой руке по крошечному резиновому сапожку, и очень довольная собой.

– Ах, умница, Руби, можно надеть эти сапожки! Прекрасная мысль.

– Что такое? – спросила Эрика, не выносившая, когда во время телефонного разговора с ней Клементина отвлекается на детей.

Похоже, она считала это нарушением этикета.

– Ничего. Конечно. Давайте поговорим перед барбекю.

– Тогда до встречи, – отрывисто произнесла Эрика и бросила трубку, как будто разговаривала с подчиненным.

Это не имело значения. Барбекю с очаровательными соседями Эрики в этот солнечный зимний день – это здорово. Что может быть лучше?

Дождь немного утих, хотя, разумеется, не прекратился. Он никогда не прекратится, черт побери, поэтому Тиффани, воспользовавшись случаем, схватила зонтик и потащила по подъездной дорожке контейнер с мусором, нещадно грохочущий бутылками из-под вина и пива.

Она думала о Дакоте и о ее холодной, вежливой улыбке, которой та улыбнулась, когда Тиффани утром высаживала ее у школы, словно Тиффани чья-то чужая мать.

С Дакотой что-то происходит, что-то неуловимое. Может, ничего и нет, а может быть, есть. Дело не в том, что она плохо себя ведет. Вовсе нет. Но в ней появилась какая-то пугающая отстраненность. Словно она заключена в невидимый стеклянный пузырь.

Например, утром Дакота сидела за завтраком с прямой спиной, аккуратно откусывая от тоста, с непроницаемым взглядом. «Да, пожалуйста. Нет, спасибо». Почему она такая вежливая? Просто мороз по коже! Как будто у них в доме живет очень воспитанная иностранная ученица по обмену. Нарушение аппетита? Но она все-таки ест, хотя без особой охоты.

Несмотря на все попытки, Тиффани никак не могла доискаться до причины такого поведения.

– Я в порядке, – механически повторяла Дакота в своей новой манере.

– Она в порядке, оставь ребенка в покое! – говорил Вид.

От этого Тиффани хотелось завопить. С Дакотой не все в порядке. Ей десять лет. Десятилетний ребенок не должен вежливо улыбаться матери.

Тиффани была полна решимости разбить этот чертов стеклянный пузырь, в котором сидит Дакота. Даже если он ей мерещится.

Почти дойдя до улицы, она увидела Оливера, который тоже тащил контейнер с мусором, правда, без такого грохота, как она.

– С добрым утром, Оливер! – выкрикнула она. – Как поживаешь? Ну разве не ужасный дождь!

Черт! Теперь, после барбекю, каждый раз при виде соседей у нее напрягались мышцы живота, как будто она качала брюшной пресс.

Ей всегда нравился Оливер. Такой прямолинейный и вежливый, немного неотесанный, с черными волосами и в очках, напоминающий выросшего Гарри Поттера. Она не могла не заметить, что у него непропорционально маленькая голова. Ничего с этим не поделаешь, но надо бы сказать Эрике, чтобы купила Оливеру какие-нибудь винтажные очки в черной оправе, тогда ее муж мгновенно превратится в симпатичного хипстера. Вот у Вида голова массивная. Ему было бы никак не подобрать бейсболку. Правда, он не носит бейсболок.

– Как поживаешь, Тиффани? – откликнулся Оливер. Он аккуратно и бесшумно остановил свой контейнер, в то время как Тиффани с ворчанием перетаскивала свой через бордюр. – Тебе помочь?

– Нет-нет, все в порядке. Как мило с твоей стороны предложить помощь! От Вида не дожدهшься. Уф! На сегодня тренировка окончена! – Тут она отклонилась от истины, поскольку еще собиралась пойти в спортзал. – Чем в такое время занимаешься дома? Приболел?

Подойдя ближе, она заметила, что Оливер с ужасом пялится на ее вырез. Потом он с

отчаянным видом перевел взгляд на ее лоб. *Да, приятель, ты в очередной раз выдержал испытание!*

– В общем, да. Где-то подхватил простуду. – Оливер поднес кулак ко рту и откашлялся.

– Как там Эрика? В последнее время почти не вижу ее.

– Хорошо, – сдержанно, как о чем-то личном, ответил Оливер.

Господи Иисусе, со дня барбекю каждый разговор с Эрикой и Оливером давался с трудом, словно она разговаривала с бывшим бойфрендом сразу после разрыва. Разрыва, в котором была виновата она сама. Разрыва из-за ее измены.

– И... гм... мы с вами почти не виделись с того... – Она замолчала. – Как там Клементина и Сэм?

Оливер снова откашлялся:

– С ними все в порядке. – Потом нахмурился, глядя вдаль поверх плеча Тиффани.

– А как дела...

– Знаешь, похоже, Гарри уже давно не вывозил контейнер с мусором, – прервал ее Оливер.

Повернувшись, Тиффани посмотрела на пустое место на дороге перед домом Гарри. Или домом мистера Харкуна, как его называла Дакота из-за его привычки плевать на все, что вызывало у него отвращение, и Дакоту в том числе. Иногда он посмотрит на красивую дочку Тиффани и плюнет, словно его оскорбляет само ее существование.

– Он не выносит мусор каждую неделю, – сказала Тиффани. – Думаю, у него немного мусора.

– Угу, знаю, – откликнулся Оливер. – Но у меня такое ощущение, будто он не показывался несколько недель. Может, постучать ему в дверь?

Тиффани посмотрела на Оливера:

– А он возьмет да и наорет на тебя.

– Вполне возможно, – мрачно согласился Оливер. Мужик еще тот. – Просто мне кажется, он давно не бранился.

Тиффани взглянула на обветшавший двухэтажный дом Гарри из красного кирпича, построенный в стиле Федерации. Он всегда производил немного удручающее впечатление: оконные рамы с облупленной краской, вылинявшая, поврежденная красная черепица крыши. Раз в месяц приходили садовники, чтобы постричь лужайки и изгороди, так что дом не выглядел заброшенным. Но со времени их переезда сюда, когда Гарри ради первого знакомства с новыми соседями потребовал от них сделать что-нибудь с их дубом, дом так и оставался старым и печальным.

– Когда я видела его в последний раз? – спросила Тиффани.

Она стала припоминать неприятные эпизоды. Несколько раз Гарри стоял на лужайке и орал на Дакоту, она расплакалась, отчего Тиффани вышла из себя и наорала на него тоже. Потом ей стало стыдно, потому что он все-таки старик и у него, возможно, старческое слабоумие, так что надо было держать себя в руках. Чем же они в последний раз обидели Гарри?

Потом она вспомнила.

– Ты прав, – медленно проговорила она, не сводя глаз с дома. – Я уже давно не видела его.

По сути дела, она в точности знала, когда видела Гарри в последний раз. Утром в день барбекю. Тот адский кошмар вечера с барбекю, который ей совсем не хотелось устраивать.

Было тихо. В тот момент, когда Вид выходил из комнаты, всегда становилось очень тихо. Как бывает в тот миг, когда оркестр прекращает игру и в ушах звенит от тишины. Тиффани слышала тиканье часов. Когда Вид находился в комнате, она никогда не слышала тиканья часов.

Тиффани сидела за кухонным столом, просматривая электронную почту на ноутбуке и поедая тост с веджимайтом. Вид пошел за газетой, ворча, что ему надоело сторожить ее каждый день в саду и что он отменит доставку.

– Читай в электронном виде, как бóльшая часть человечества, – часто говорила ему Тиффани, но, хотя Вид обычно с энтузиазмом относился к новым веяниям, его приверженность к определенным привычкам и личным ритуалам, продуктам и людям была непоколебима.

– Правда ведь, как становится тихо, когда папа выходит из комнаты? – спросила Тиффани у Дакоты.

Свернувшись калачиком, как кошка в прямоугольнике мерцающего утреннего света, та лежала на кушетке в эркере. Рядом с девочкой, уткнувшись носом в ее руку, лежал Барни, их миниатюрный шнауцер. Глаза его были плотно закрыты, так что виднелись лишь густые кустистые брови. Барни спал совсем как кошка.

Дакота, разумеется, читала. Она всегда читала, погружаясь в разные миры, куда Тиффани попасть не могла. В общем-то, могла бы, если бы не поленилась взять в руки книгу, но чтение приводило Тиффани в беспокойство. После прочтения одной страницы ноги у нее начинали нетерпеливо дергаться. Телевизор тоже вызывал у нее беспокойство, но, по крайней мере, во время просмотра она могла складывать белье или разбирать счета. В возрасте Дакоты Тиффани никогда не взяла бы в руки книгу ради удовольствия. Она увлекалась косметикой и одеждой. На днях Тиффани предложила покрасить Дакоте ногти, а девочка небрежно ответила: «А-а, может быть, потом, мама». Согласно семейным преданиям, когда ее милая добрая мама предлагала ей испечь что-нибудь, Тиффани спрашивала: «А ты мне заплатишь?» А мама говорила: «Тебе всегда не терпится получить вознаграждение».

Что ж, время – деньги.

– Тихо, правда? – повторила Тиффани, когда Дакота не ответила.

– Что?

– Хочешь сказать «извини»?

– Что? – снова спросила Дакота, переворачивая страницу.

Тиффани фыркнула.

Она открыла очередной имейл. Письмо было из «Сейнт-Анастейша», суперпривилегированной частной школы, которую Дакота будет посещать на следующий год. Тиффани не сможет попасть вслед за дочерью и в этот новый мир. Все три дочери Вида от первого брака учились в «Сейнт-Анастейша», что не являлось для Тиффани такой уж большой рекламой, но у школы действительно была звездная репутация, и Вид хотел послать

туда Дакоту после детского сада. Тиффани считала это нелепым, поскольку совсем рядом с ними находилась отличная небольшая государственная школа. Пятый класс был компромиссом. В августе должна состояться информационная встреча. Через два месяца. «Обязательная» для всех учеников и «обоих родителей». Обязательная. Тиффани поежилась от навязчивого тона письма и быстро выключила ноутбук. Почему-то она даже немного занервничала и решила, что не станет тратить на это время. Рассердившись на себя, она захлопнула ноутбук и постаралась не думать об этом. Было воскресенье, свободный день. Впереди неделя с кучей дел.

– Хорошая книга? – спросила она Дакоту.

– Что? То есть извини?

– Я люблю тебя, Дакота.

Долгая пауза.

– Что?

С шумом распахнулась входная дверь. На стене была отметина от двери, поскольку Вид каждый раз, входя в дом, распахивал ее, словно с помпой возвращался из грандиозного путешествия.

– Где вы, женщины? – прокричал он.

– Там, где ты нас оставил, мелкота! – отозвалась Тиффани.

– Я не мелкота. Почему ты постоянно так меня называешь? В этом нет никакого смысла.

А теперь послушайте, у меня новость! – Он размахивал сложенной в рулон газетой, как полицейской дубинкой, и прямо-таки кипел энергией. – Я только что пригласил соседей на барбекю. Столкнулся на улице с Эрикой.

– Вид, Вид, Вид... – Тиффани опустила голову на руку. – Зачем тебе понадобилось это делать?

Эрика и Оливер довольно милые, но они чертовски робкие и серьезные. С ними трудно. Лучше приглашать их вместе с другими людьми, чтобы не слишком утомляться их серьезностью.

– Ты обещал, в это воскресенье мы будем отдыхать.

Ей предстоит такая напряженная неделя – во вторник выставляется на продажу объект недвижимости, в среду разбирательство в суде по делам земли и окружающей среды с местным комитетом. Кроме того, ее решения ожидают маляр, мастер по кладке черепицы и электрик (ну, Вид!). Ей нужна передышка.

– О чем ты толкуешь? Именно это мы и делаем! Отдыхаем в этот прекрасный день! – с искренним недоумением запротестовал Вид. – Нигде так не расслабишься, как на барбекю! Хочу позвонить Драго и договориться насчет свинины. О-о, придут также их друзья. Помнишь виолончелистку? Клементина. Клементина и ее муж. Как его зовут?

– Сэм, – оживившись, сказала Тиффани.

Ей нравился Сэм. Он напоминал ей того коренастого, широкоплечего блондина-сёрфера, с которым она встречалась до Вида. Забавный и добродушно-веселый. Они виделись с ними лишь однажды, когда Эрика и Оливер пригласили их к себе на рождественские коктейли. Вечер был таким странным. Вид и Тиффани прежде не бывали на таких коктейлях. Все эти люди стояли, тихо разговаривая, как в библиотеке или церкви. Одна женщина даже пила чай!

– Где еда? – все спрашивал Вид громким шепотом у Тиффани, пока Эрика с Оливером, как им показалось, ужасно долго с деловитым видом протирали тряпками и без того чистые кухонные столешницы, словно показывая, что, пусть гости и насвинячат, у них все под

контролем.

Каким облегчением было, когда их познакомили с Клементиной и Сэмом! Вид, любивший классическую музыку, был очень взволнован, когда узнал, что Клементина виолончелистка. Тиффани с Сэмом разговорились о политике и с удовольствием поспорили. Он был склонен проявлять излишнее сочувствие к людям, но она простила ему это. В какой-то момент Сэм прошептал:

– Может, стоит заказать пиццу?

Вид захохотал, хотя после им всем пришлось удерживать его от попытки заказать эту самую пиццу по телефону. Клементина нашла на дне своей сумки плитку шоколада и тайком поделила ее на четверых, пока бедные Эрика с Оливером полировали столешницы. Создавалось такое ощущение, что их высадили на необитаемом острове и они пытаются выжить.

– У них две маленькие девочки, – сказал Вид.

– Помню, они говорили про маленьких детей, – кивнула Тиффани. – Вычурные имена.

– Не помню их имен, – сказал Вид. – Знаешь, во всяком случае, Дакота может с ними поиграть. Правда, Дакота? – Он с надеждой посмотрел на дочь.

– Гм, ребята, там кто-то за дверью, – не поднимая глаз от книги, сказала Дакота.

Барни, наострив уши, поднял голову, спрыгнул на пол и, радостно потявкывая, принялся бегать кругами. Барни любил гостей почти так же, как Вид.

Кто-то стучал и стучал во входную дверь, не обращая внимания на звонок.

– Ты ведь не пригласил их прямо на это время, а? – спросила Тиффани. – Ш-ш, Барни. Вид, скажи!

Вид стоял у кладовки, вытаскивая нужные ингредиенты.

– Конечно нет, – рассеянно отозвался он, хотя, несомненно, был на это способен.

Тиффани направилась к двери. Барни в возбуждении зигзагами бегал перед ней, едва не сбивая с ног. На пороге стоял их сосед, старик Гарри, по своему обыкновению одетый в брюки от старого серого костюма (возможно, делового) и белую рубашку с пожелтевшим воротником. Гарри сердито смотрел на нее. Из-под верхней пуговицы его рубашки торчали пучки белых волос. У него были белые кустистые брови, совсем как у Барни.

– Привет, Гарри. – Тиффани улыбнулась по возможности любезно, но при этом подумала: «И чем же мы, блин, обидели тебя сегодня, мой почтенный друг?» – Как поживаете?

– Это не прекращается! – заорал Гарри. – Это неприемлемо! – Он вручил ей письмо, адресованное Виду. – Я и раньше говорил вам об этом. Мне не нужна ваша почта. Я не обязан доставлять вам почту. Она не имеет ко мне никакого отношения.

– Гарри, это почтальон. Он случайно положил письмо не в тот ящик. Бывает.

– Это не в первый раз! – воинственно заявил Гарри.

– Да, по-моему, и правда как-то было, – согласилась Тиффани.

– Ну так вам следует прекратить это! Вы что, дура? Я за это не отвечаю!

– Ладно, Гарри, – сказала Тиффани.

– Гарри, приятель! – Вид вышел в коридор, запихивая в рот пригоршню лиловых виноградин. – Хотите прийти к нам на барбекю? Мы ждем Эрику и Оливера! Знаете, из дома семь.

Гарри заморгал, потом засунул руку за ворот рубашки и почесался.

– Что? Нет, я не хочу на барбекю.

– А-а, жаль, – произнес Вид, обнимая Тиффани. – Может быть, в другой раз. Но знаете, Гарри, я не хочу слышать, как вы называете мою жену дурой. О’кей, Гарри? Это некрасиво. Не по-соседски.

Гарри взглянул на них слезящимися карими глазами.

– Мне больше не нужны ваши письма, – пробубнил он. – Я за это не отвечаю. Это вам надо взять на себя ответственность.

– Мы берем на себя ответственность, – сказал Вид. – Не беспокойтесь на этот счет.

– Уберите от меня эту собаку! – потребовал Гарри, когда Барни увлеченно обнюхивал его ботинок.

Барни поднял бородатую мордочку с таким выражением, словно задеты его чувства.

– Барни, перестань! – Вид щелкнул пальцами на собаку.

– Помните, Гарри, что мы всегда здесь, если понадобится, – сказала Тиффани.

Старик вдруг показался ей таким трогательным, как смущенное дитя.

– Что? – Гарри был явно шокирован. – Зачем вы мне можете понадобиться? Просто уберите ваши чертовы письма из моего ящика!

И он ушел, шаркая ногами, опустив плечи, качая головой и что-то бормоча себе под нос.

Вид закрыл дверь. И они сразу забыли про Гарри.

– Хорошо, – сказал Вид. – Хочу ли я что-то испечь? Да, хочу! Испечь, что ли, штрудель? Как ты думаешь? Да. Определенно, штрудель.

И вот Эрика снова в сухом уютном офисе. Проезд в такси из библиотеки, где Клементина делала свое сообщение, обошелся ей даже дороже, чем дорога в ту сторону. Она только что бесцельно потратила сто тридцать четыре доллара. Ей было никак не постичь собственный процесс принятия решений. Выслушав Клементину, она не смогла заполнить пробелы в памяти. Это лишь пробудило в ней неприятные чувства, а потом еще пришлось на обратном пути в такси отвечать на телефонные звонки мужа и матери. Ей не терпелось заняться какой-нибудь сложной работой. Это поможет так же хорошо прояснить мысли, как трудная пробежка со многими подъемами. Слава богу, у нее не такая, как у Клементины, работа, на которой надо постоянно черпать из источника собственных эмоций. Работа не должна опираться на эмоции, и тогда получишь от нее удовольствие.

Глядя, как за толстым стеклом окна струятся дождевые потоки, она прослушала сообщения голосовой почты. Погода не имеет большого значения, когда ты надежно укрыт в высотном офисном здании. Казалось, это происходит в другом измерении.

Пока она прокручивала электронную почту, зазвонил ее сотовый. Снова Оливер. Она разговаривала с ним меньше получаса назад. Наверняка он звонит не для того, чтобы опять спросить о разговоре с Клементиной. Должно быть, у него важная причина для звонка.

– Извини, что снова тебя тревожу, – поспешно произнес он. – Я быстро. Хотел спросить, видела ли ты в последнее время Гарри.

– Гарри? – переспросила Эрика, открывая почту. – Кто такой Гарри?

– Гарри! – нетерпеливо повторил Оливер. – Наш сосед!

Ради бога! Гарри вряд ли можно назвать другом. Они едва знали старика, и, строго говоря, он не их ближайший сосед, он живет с другой стороны от Вида с Тиффани.

– Не знаю. Пожалуй, нет. А что?

– Когда выносил мусор, я разговаривал с Тиффани.

Оливер замолчал, чтобы высморкаться. Эрика, не снимая руки с компьютерной мыши, напряглась при упоминании Тиффани. Со дня барбекю ей не хотелось иметь ничего общего с Тиффани и Видом. В любом случае они никогда по-настоящему не дружили. Просто соседские отношения. Тиффани и Виду гораздо больше нравились Клементина с Сэмом. Если бы в тот день Эрика не упомянула Клементину и не сказала, что у них нет планов на день, пригласил бы их Вид на барбекю? Вряд ли.

– Во всяком случае, я сказал ей, что некоторое время не видел Гарри, – продолжал Оливер. – Мы пошли вместе и заглянули в его почтовый ящик, и он был полон. Так что мы вынули его почту и постучали в дверь, но никто не ответил. Я попытался заглянуть к нему в окно... Мне кажется, что-то не так. Сейчас Тиффани звонит Виду, чтобы спросить, знает ли он что-нибудь.

– Понятно, – сказала Эрика. Ей было это совершенно неинтересно. – Может быть, он уехал.

– Не думаю, что Гарри ездит в отпуск. Когда ты видела его в последний раз?

– Понятия не имею, – ответила Эрика. Она тратит время попусту. – Давно.

– Вот я думаю, не вызвать ли полицию, – посоветовал Оливер. – То есть не хочется смущать его, если у него все нормально, или напрасно отвлекать полицию, но...

– У него наверняка есть запасной ключ. Под горшком с цветами или поблизости от

входной двери.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Он из того поколения.

Бабушка Эрики всегда оставляла ключ под горшком с геранью у входной двери, в то время как мать никогда не допустила бы ужасную возможность того, чтобы кто-нибудь без разрешения вошел в ее дом. Входная дверь постоянно запиралась на два взрезных замка. Чтобы защитить столь ценное имущество внутри.

– Отлично, – произнес Оливер. – Хорошая мысль. Попробую поискать.

Он сразу отключился, и Эрика, положив телефон, с досадой поймала себя на том, что невольно думает о пожилом соседе. Когда же она видела его в последний раз? Наверняка он жаловался ей на что-то. Ему не нравилось, когда кто-нибудь оставлял машину на улице напротив его дома. У него была куча жалоб на Вида и Тиффани. Шум – они любили повеселиться, и он не один раз вызывал полицию. Собака – Гарри говорил, что она роется в его саду, он подавал в совет официальную жалобу. Общий вид их дома – похож на чертов Тадж-Махал. Казалось, он искренне ненавидит Тиффани, и Вида, и даже Дакоту, но терпимо относится к Эрике. А Оливер ему вообще нравился.

Она встала и подошла к окну офиса. Некоторые сотрудники, как, например, ее заместитель, не могли стоять в этом здании слишком близко к окнам – сплошное остекление создавало иллюзию того, что стоишь на краю скалы. А вот Эрике нравился холодок в животе, когда она смотрела вниз на улицы, запруженные транспортом, за пеленой дождя.

Гарри. Она вспомнила, что в последний раз видела его в день барбекю. Это было в тот момент, когда она выскочила из дому, чтобы купить еще крекеров, поскольку забеспокоилась по поводу семян кунжута. Отъезжая от дома, она глянула в зеркало заднего вида и заметила Гарри, который кричал на собаку Вида и Тиффани. Он сердито взмахнул ногой, но Эрика не сомневалась, что на самом деле он не ударил собачонку. Просто хотел напугать. На террасу вышел Вид – наверное, чтобы позвать пса. Это все, что она видела.

Эрике не досаждала угрюмость Гарри. Угрюмость отнимает меньше времени и не так утомляет, как приветливость. Гарри никогда не стремился болтать с соседями. Не случилось ли с ним что-нибудь, не заболел ли он? Или же с ним все в порядке, и бедному ответственному Оливеру достанется за вмешательство в частную жизнь.

Как фейерверк, на горизонте сверкнула молния. Эрика представила себе, какой она покажется кому-то на улице внизу, если человек глянет в этот момент вверх, в дождливое небо, и увидит за стеклом ее темную неподвижную фигуру, озаренную вспышкой.

Этот образ вызвал воспоминание... да, может быть... о прижатых к стеклу ладонях, лице с размытыми чертами и разинутым ртом, но затем воспоминание раскололось на тысячи мелких осколков. Может ли быть такое, что в тот день она сотворила нечто непоправимое с химией своего мозга?

Отвернувшись от окна, она поспешила к письменному столу и открыла на компьютере электронную таблицу. Когда успокаивающие цифры начали заполнять дисплей, она взяла телефон и набрала номер своего психолога. Потом небрежным тоном спросила у секретарши:

– Полагаю, у вас нет отмен на завтра? – Но, передумав, попросила: – Посмотрите, пожалуйста.

Оливер положил телефон и высморкался. Потом взял зонтик. Не самое лучшее для его здоровья – разгуливать под проливным дождем, разыскивая пожилых соседей, но он не мог больше ждать.

У него появилось ужасное предчувствие. Он припомнил, что в последний раз видел Гарри накануне барбекю, когда еще не было никакого плана насчет этого, когда Эрика еще не прибегла к своей уловке и они по-прежнему ждали на чай Клементину и Сэма.

В тот субботний вечер Гарри заговорил с Оливером, объясняя ему, как правильно держать секатор. Некоторые не любят непрошенных советов, однако Оливер всегда был рад поучиться у других. Гарри пожаловался на собаку Вида и Тиффани. Якобы ее лай не дает ему спать по ночам. Оливер не был склонен в это поверить, ведь Барни такая маленькая собака. Гарри сказал, что вызывал полицию или, может быть, обращался в местный комитет, но Оливер не придавал этому значения. Гарри всегда подавал официальные жалобы по всевозможным каналам. Для него составление жалоб было чем-то вроде хобби. Надо же человеку чем-то заняться на пенсии.

С того дня прошло два месяца, и Оливер не мог припомнить, что с тех пор видел Гарри.

Оливер открыл дверь и отскочил назад: на террасе стояла Тиффани с зонтом за плечами и с поднятой рукой, словно собираясь постучать.

– Извини, – сказала она. – Знаю, что ты болен, но просто я все думаю про Гарри. Я и в самом деле считаю, что надо попробовать войти к нему. Или вызвать полицию. Муж тоже говорит, что не видел его много недель.

– И Эрика тоже, – сказал Оливер. – Я как раз собирался туда.

Ему вдруг стало невтерпеж, как будто на счету была каждая минута. Налетел порыв ветра.

– Господи, этот дождь!

Они выставили перед собой щитом зонты и, нырнув под них, перебежали лужайку и оказались перед террасой дома Гарри.

Тиффани бросила на пол промокший зонтик и кулаком забарабанила в дверь:

– Гарри! – Она старалась перекрыть шум дождя. В ее голосе слышались панические нотки. – Гарри! Это мы! Ваши соседи!

Оливер приподнял тяжелый горшок из песчаника. Никакого ключа. Там было еще несколько дрянных пластиковых зеленых горшков с засохшими растениями и комковатой землей. Наверняка Гарри не стал бы прятать ключ под одним из них? Но он все же поднял первый горшок, и ключ был там. Маленький золотой ключик. Гарри, старина, подумал Оливер. Не так уж ты осторожен.

– Тиффани! – Оливер показал ей ключ.

– А-а, – произнесла Тиффани. Она отодвинулась, а Оливер подошел к двери и вставил ключ в замок. – Он мог уехать, – с дрожью в голосе сказала она. – Повидать семью.

Но оба знали, что старик никуда не уезжал.

– Гарри! – открыв дверь, позвал Оливер.

– О господи, нет, нет, нет! – быстро проговорила Тиффани.

Запах достиг заложенного носа Оливера на секунду позже, а затем ему показалось, что он с размаху влетел в стену этого запаха. Сладковатого запаха разложения. Словно кто-то

побрызгал дешевыми духами на протухшее мясо. Накатил рвотный позыв. Оливер взглянул на Тиффани и вспомнил день барбекю – как в тяжелые моменты с лица человека спадает маска и обнажается что-то важное и общечеловеческое. Тогда все эти ярлыки вроде «красивая», «сексуальная», «некрасивая» становятся неуместными.

– Твою мать, – грустно произнесла она.

Оливер распахнул дверь и сделал шаг вперед в полутемное помещение. Прежде он не бывал в этом доме. Все его общение с Гарри происходило на лужайках. На лужайке Гарри. На их лужайке.

Над головой горела единственная лампа. Он увидел длинный коридор с удивительно красивой красной ковровой дорожкой, уводящей во тьму. Увидел лестницу с резными деревянными перилами.

У подножия лестницы лежал большой непонятный предмет, и он, конечно, знал, что это тело Гарри. Случилось именно то, чего Оливер боялся. Но все же несколько мгновений он вглядывался в очертания предмета, словно это была одна из обманных оптических картинок. Просто в голове не укладывалось, что вечно раздраженный, топающий ногами и плюющийся Гарри превратился в раздувшийся, почерневший ужас.

Оливер заметил некоторые вещи: на Гарри были разные носки. Один черный. Один серый. Очки как бы погрузились в лицо, словно были вдавлены в мягкую податливую плоть невидимой рукой. Белые волосы аккуратно причесаны, как обычно. Облачко деловито гудящих мух.

Оливера замутило. Он попятился на дрожащих ногах и захлопнул за собой дверь. Тиффани рвало в горшок из песчаника, а дождь все лил и лил.

Боковым зрением Дакота заметила какое-то движение. Выглянув из окна, она увидела, как через лужайку несется Барни. С грохотом распахнулась входная дверь, и девочка услышала крик отца:

– Меня достал этот мужик! Тиффани! Где ты? Он перешел черту! Существует черта, Тиффани, черта! А на этот раз он перешел эту черту!

– Что? – откликнулась мама откуда-то из глубины дома.

– Дакота! Где твоя мама? Где ты?

Дакота сидела на том самом месте, где и все утро, читала книгу у окна, но, разумеется, папа не замечал подобных мелочей.

Дом был таким большим, что они часто теряли друг друга. «Чтобы ориентироваться в этом доме, нужна карта», – говаривала тетушка Дакоты каждый раз, как приезжала к ним, хотя она бывала здесь миллион раз и ей не требовалась карта. Она лучше Дакоты знала, как найти нужную вещь в кухонных шкафах.

Дакота не стала отвечать папе. Мама разрешила ей закончить главу, после чего ей предстояло помочь прибраться в доме к приходу гостей. Как будто это она их приглашала! Она в раздумье подняла глаза, потому что на самом деле уже залезла украдкой в следующую главу, но стоило ей посмотреть на страницу и увидеть слова, как чтение опять затянуло ее. Она как будто испытывала приятное физическое ощущение, как будто падала обратно в мир «Голодных игр», где Дакота становилась Китнисс – сильной, могущественной и умелой, но также и очень хорошенькой. Дакота была на сто процентов уверена, что поступила бы, как Китнисс, пожертвовав собой для Игр ради милой младшей сестры, если бы у нее такая была. Не то чтобы она хотела сестру (маленькая сестра ее подруги Эшлинг всегда торчит рядом, и бедной Эшлинг никак от нее не избавиться), но будь у Дакоты сестра, она умерла бы за нее.

– Дакота, ты где? – позвала на этот раз мама.

– Здесь, – прошептала Дакота и перевернула страницу. – Я прямо здесь.

– Гарри умер, – произнес Оливер, едва Эрика пришла домой с работы и положила кейс и зонтик.

Она прикоснулась к шее. Ледяные капли дождя стекали по спине. Оливер сидел на диване в окружении вороха измятых салфеток.

– Серьезно? – спросила Эрика, сосредоточившись на салфетках. – Что случилось?

Вид груды использованных салфеток заставил ее сердце биться чаще. Реакция организма, связанная с детской травмой. Совершенно естественно. Три глубоких вдоха. Просто нужно поскорее выбросить эти воспоминания.

– Мы с Тиффани обнаружили тело, – говорил Оливер, пока Эрика шла к шкафу под кухонной раковиной за пластиковым пакетом.

– Где? – спросила Эрика, сгребая в пакет салфетки. – Ты имеешь в виду в доме?

Она завязала ручки пакета в тугий узел и бросила его в мусорное ведро.

– Да, – ответил Оливер. – Ты была права насчет ключа. Он оказался под горшком.

– Значит, Гарри был... мертв? – спросила Эрика.

Она стояла у раковины, отскребая руки. Из-за ее манеры мыть руки люди часто спрашивали, не медицинский ли она работник. На публике она старалась не демонстрировать эту тщательность, но дома наедине с Оливером она скребла и скребла, не беспокоясь о том, что кто-нибудь распознает у нее невроз навязчивых состояний. Оливер никогда не осуждал ее.

– Да, Эрика, – с раздражением произнес Оливер. – Мертвее не бывает. Он умер уже давно. Я бы сказал, много недель тому назад... – Голос его оборвался.

– О-о, понимаю. О господи!

Эрика повернулась от раковины. Оливер был очень бледен. Его руки безвольно лежали на коленях, и он сидел, выпрямившись и поставив ступни на пол, как мальчишка у кабинета директора школы, мучимый ужасными угрызениями совести.

Она глубоко вздохнула. Ее муж расстроен. Судя по всему, чрезвычайно расстроен. Так что, возможно, он хочет «поделиться» с кем-то. Люди с неблагополучным детством, как у нее, не очень преуспевают в межличностном общении. Что ж, это просто факт. Никто не обещал ей здоровых взаимоотношений, как не обещал их и для Оливера. У того и другого в детстве было не все благополучно. Вот почему Эрика успела вложить в высококачественную психотерапию почти шесть тысяч долларов. Циклы дисфункций и психических расстройств не должны передаваться от поколения к поколению. Необходимо просто заниматься самообразованием.

Эрика села на диван рядом с Оливером, с помощью языка тела показывая, что готова слушать. Осуществила зрительный контакт. Прикоснулась к его плечу. Потом нужно будет воспользоваться дезинфицирующим средством для рук. Ей совершенно не хочется подхватить эту ужасную простуду.

– Он был... – Ей не хотелось знать ответы ни на один из вопросов, которые ей придется задать. – Он был... в кровати?

Она представила себе маниакально ухмыляющийся труп, сидящий в постели с выставленной поверх одеяла полуразложившейся рукой.

– Он лежал около лестницы. Едва я открыл дверь, как мы почувствовали запах. – Оливер

содрогнулся.

– Господи! – вымолвила Эрика.

Запахи были одним из ее страхов. Оливер всегда смеялся над тем, как она выбрасывала мусор в ведро, а потом отскакивала, чтобы запах не настиг ее.

– Я только посмотрел на него секунду, а потом просто... захлопнул дверь, и мы вызвали полицию.

– Это ужасно, – без выражения произнесла Эрика. – Надо же, что ты пережил.

Она чувствовала, что противится. Она не хотела слышать об этом, не хотела, чтобы он делился с ней своими впечатлениями. Лучше бы молчал. И лучше им поговорить об ужине. Ей надо было успокоиться после этого дня. Она пропустила обед и вернулась на работу, чтобы восполнить время, потраченное на выступление Клементины, поэтому была очень голодна. Но очевидно, раз муж говорит тебе, что обнаружил труп, ты не можешь сразу после этого спросить: «Хочешь пасты?» Нет. Так что перед разговором о еде придется выждать не менее получаса.

– В полиции предположили, что он упал с лестницы, – сказал Оливер. – А я все думаю и думаю...

Он как-то странно засопел носом. Эрика постаралась не показывать раздражения. Он сейчас чихнет. Каждый чих как спектакль. Она подождала. Нет. Не чихнет. Он сдерживает слезы.

Эрика отпрянула. В этом она не могла его поддержать. Если она позволит себе испытать грусть и вину в отношении Гарри, который ей даже не нравился, кто знает, что может случиться. Это будет похоже на откупоривание бутылки шампанского, которую перед тем яростно встряхивали. Повсюду разлетятся ее беспорядочные эмоции. Ей нужен порядок. «Мне нужен порядок», – сказала она как-то своему психологу. «Конечно, вам нужен порядок, – ответила ей та. – Вы жаждете порядка. Это вполне понятно». Ее психолог была приятнейшим человеком.

Оливер снял очки и протер глаза:

– Я все думаю: что, если он упал с лестницы и не смог подняться и звал на помощь, но никто не услышал? Мы все занимались повседневными делами, а Гарри в это время умирал от голода – что, если было так? Мы похожи на тех соседей, которых показывают по телевизору. И как могли мы не заметить? Как могли не забеспокоиться? Что такого, если он был немного ворчливым?

– Ну знаешь, его ближайшие соседи – это Вид и Тиффани.

Эрика не хотела думать о лежащем на полу Гарри. Вставало и садилось солнце. Гарри слышал шум округи – газонокосилки, мусоровозы, воздуходувки для уборки листьев, которые так ненавидел.

– Да. Тиффани тоже очень расстроена. Но знаешь что? Именно я ему нравился больше всех на нашей улице. По крайней мере, он терпимо ко мне относился. То есть мы с ним иногда беседовали.

– Знаю, – сказала Эрика. – Как в тот раз, когда вы оба сходили с ума из-за той брошенной машины напротив Ричардсонов.

– Я должен был заметить, что он не выходит на улицу. – Оливер достал из коробки салфетку и шумно высморкался. – Я действительно подумал, что давно его не видно, наверное целую неделю, но потом позабыл об этом.

– Он не умер бы от голода, – размышляла Эрика. – Его убило бы отсутствие воды.

Обезвоживание.

– Эрика! – Оливер поморщился, бросив на диван скомканную салфетку и вытаскивая из коробки свежую.

– Что? Я говорю только, что он не лежал бы там много недель подряд. – Она помолчала. – Он должен был носить на шее один из этих телефонов срочного вызова.

– Ну вот, а он не носил, – лаконично отозвался Оливер, потом снова высморкался.

– Полагаю, у него не было семьи, – сказала Эрика. – И друзей.

Потому что он был мерзким, мстительным старым ублюдком. Она не позволит Оливеру затянуть себя в трясины вины, в которой тонул он сам. Пусть Тиффани тонет вместе с ним. Эрика и так живет с постоянным чувством вины.

– Думаю, не было, – согласился Оливер. – Если родственники и были, мы никогда не видели, чтобы к нему кто-нибудь приезжал. Вот почему именно нам следовало присматривать за ним. Это люди, исчезающие через трещины общества. Как у членов общины, у нас есть моральный долг...

Зазвонил домашний телефон, и Эрика вскочила на ноги, словно выиграла приз:

– Я отвечу. – Она сняла трубку. – Алло!

– Эрика, дорогая. Это Пэм.

Этот любезный, подкупающий голос. Голос здравого смысла и хороших манер.

– Привет, Пэм, – сказала Эрика.

Она почувствовала, что ментально смягчается и к глазам подступают неминуемые слезы. С ней это всегда происходило при разговоре с матерью Клементины. Это давнее детское обожание, восхитительное, кружащее голову чувство облегчения, словно ее спасли на море.

– Я осталась дома с внуками, – сказала Пэм. – Клементина с Сэмом только что поехали на ужин в тот новый ресторан в пассажирском терминале, которым многие восторгаются. Я заказала им столик. У ресторана высокий рейтинг. Не знаю. Впечатляет. Надеюсь, они хорошо проведут время, хотя очень жаль, что идет дождь. Им нужно побыть вдвоем. Честно говоря, меня беспокоит их брак. Знаю, что выношу сор из избы, но ты ведь ее лучшая подруга, и, вероятно, тебе известно об этом больше моего.

– О-о, нет, не известно, – сказала Эрика.

Фактически она ничего не знала о семейных проблемах Клементины. Пэм наверняка в курсе, что ярлык «лучшие подруги» был придуман ею, и все эти годы Эрика цеплялась за него, в то время как Клементина просто терпела.

– Как бы то ни было, Эрика, дорогая, скоро мы увидимся у меня дома на нашем особом ужине, и я жду этого с нетерпением, но послушай, я позвонила тебе сегодня вот почему... – (Уловив напряженность в голосе Пэм, Эрика стиснула зубы.) – Ну, сегодня мне надо было в цветочный магазин, и я проезжала мимо дома твоей мамы. Но не остановилась. – Пэм помолчала. – Может быть, надо было, но в последние годы твоя мама настроена против меня, так ведь? – Она не стала дожидаться ответа. – Эрика, я знаю, ты придерживаешься графика в своих визитах, и я считаю это разумным для твоего психического здоровья, но, может быть, стоит в этом месяце навестить ее пораньше.

Эрика с силой выдохнула, как будто надувала воздушный шарик. Потом взглянула на Оливера. Он прикрыл глаза, прислонившись затылком к спинке дивана и прижав ладонь ко лбу.

– Насколько все плохо? – спросила она у Пэм.

— Очень плохо, дорогая. Боюсь, очень плохо.

– Как прошло сегодня твое... э-э... выступление в библиотеке? Твоя так называемая речь? – спросил Сэм задушенным голосом, как будто этот вопрос с силой из него выдавливали.

– Хорошо прошло... – начала Клементина.

– Много народу было? – перебил Сэм. Он барабанил пальцами по белой полотняной скатерти и возбужденно оглядывал ресторан, словно в поисках кого-то или чего-то. – Сколько человек пришло, по-твоему? Двадцать? Тридцать?

– Меньше двадцати. И среди них Эрика. – Клементина подождала реакции и, когда таковой не последовало, добавила: – Не понимаю, право, зачем она захотела прийти.

– Ну, Эрика – твоя большая фанатка, – слабо улыбнувшись, сказал Сэм.

Раз Сэм начал с шутки, это давало ей надежду, что вечер пройдет хорошо. Из всех мужчин, с которыми она встречалась, Сэм был первым, кто сразу же интуитивно уловил сложности ее дружбы с Эрикой. Он никогда не проявлял нетерпения или непонимания, ни разу не сказал: «Не понимаю, если она тебе не нравится, не встречайся с ней!» Просто он воспринимал Эрику как неотъемлемую часть Клементины, как неуживчивую сестру.

– Это правда. – Клементина громко рассмеялась. – Хотя она ушла с середины выступления.

Сэм ничего не сказал. Он смотрел мимо нее, словно за ее спиной происходило что-то интересное.

– Как сегодня на работе? – спросила она.

– Хорошо, – холодно произнес Сэм. – То же, что и обычно.

«Твое замужество сейчас проверяется на прочность, дорогая! После неудач приходит везение! Единственный способ все преодолеть – уметь прощать и налаживать контакты!» – драматическим шепотом обратилась мать к Клементине, словно наставляя перед дальним путешествием. Обе они стояли у входной двери в ожидании Сэма, который выбрал этот момент, чтобы сесть за компьютер и ответить на имейл, очевидно жизненно важный, а из телевизора в это время неслись резкие звуки выступления какой-то кошмарной поп-певицы. Пэм слегка поправила ремешок на платье Клементины, в чем не было никакой необходимости. «Вам необходимо поговорить! Выговориться! Высказать то, что вы чувствуете!»

– Ну и как, срабатывает твоя «корпоративная культура с опережающим осмыслением»? – спросила Клементина.

Раньше она могла сказать те же слова и заставить его смеяться, но теперь она различала в собственном голосе нотки недоброжелательства. Два музыканта могут играть одинаковые ноты, но звучать они будут совершенно по-разному. Все решает интонация.

– Прекрасно срабатывает.

Сэм взглянул на нее едва ли не с ненавистью. Клементина опустила глаза. Иногда, глядя на него, она чувствовала, что у нее в груди плотным клубком свернулась спящая змея, которая однажды зашипит и бросится в атаку. И последствия будут непредсказуемыми и ужасными.

– Признаюсь, мне не очень-то нравятся эти лекции. – Она сменила тему.

Каждый раз она нервничала, но не так, как это бывало перед концертом или даже перед

прослушиванием. Слушатели всегда хлопали, но как-то вяло, и она часто улавливала оттенок неодобрения.

Она выглянула в гигантское окно, все в дождевых каплях, из которого открывался размытый картинный вид на порт Сиднея и белые паруса Оперы, где она выступала всего за два дня перед этим.

– Я почти ненавижу их.

Она взглянула на Сэма. Его лицо выражало сильную досаду, и он чуть ли не трясся.

– Тогда перестань. Просто покончи с этим. Зачем тебе эти выступления? Ты и так занята по горло. Надо готовиться к прослушиванию. Ты собираешься на прослушивание?

– Конечно собираюсь! – воскликнула Клементина. Почему он спрашивает об этом? – Я встаю в пять утра и занимаюсь каждый день!

Как же он может об этом не знать? Иногда она просыпается посреди ночи и слышит его шаги по коридору или приглушенный звук телевизора снизу.

– Разве ты не слышал меня?

– Наверное, слышал, – смущенно произнес Сэм. – Просто не подумал, что ты упражняешься.

Чем же, по его мнению, она занимается? Или звуки виолончели для него – просто ничего не значащий фоновый шум? Или ему вообще на все наплевать?

Она постаралась подавить раздражение.

– А сегодня я была у Энсли и играла перед ними.

– О-о! – Казалось, Сэм искренне удивлен. – Что ж, это здорово. Как все прошло?

– Прекрасно. Все было прекрасно.

Совсем не прекрасно. Было странно и ужасно. Хью и Энсли горячо спорили об исполнении ею первой части концерта.

– Чудесно! – воскликнул Хью, как только она закончила. – Bravo! Дайте этой девушке работу. – Он выжидающе посмотрел на жену, но Энсли не улыбалась.

– Что ж... – смущенно произнесла она. – Очевидно, ты много работала. С технической точки зрения все идеально. Просто... не знаю, это не похоже на твою игру. Будь я за ширмой, ни за что не догадалась бы, что это ты.

– И что же? – спросил Хью.

– Это было так безупречно. Каждая нота на своем месте. Можно было подумать, что играет самонадеянный двадцатилетний вундеркинд, только что выпущенный из консерватории.

– И я снова скажу – что из того? Если она будет так играть, то точно попадет на следующий тур, – сказал Хью. – Я бы точно ее пропустил. Ты тоже, я это знаю.

– Может быть, но не думаю, что она пройдет второй тур. В твоей игре было что-то – не обижайся, Клементина, – что-то от робота.

– Как может она не обижаться? – поинтересовался Хью.

– Мы должны быть честными, – ответила Энсли. – Не добренькими. – Потом она взглянула на Клементину и неожиданно спросила: – Ты уверена, что по-прежнему этого хочешь? После... всего?

– Разумеется, она этого хочет, – подтвердил Хью. – Что с тобой такое?

Потом зазвонил их домашний телефон, и Клементине так и не пришлось отвечать на прямой вопрос Энсли.

– Как там Энсли и Хью? – спросил Сэм. Она чувствовала, какого напряжения стоило

ему задать простой вопрос. Словно она смотрела, как он подтягивается на турнике. – Давно их не видел.

Но он старался, и она тоже постарается.

– Хорошо. У них все хорошо. Слушай, я рассказала Хью, как ты заставлял меня бегать на месте перед занятием музыкой, и он сказал, что у него был преподаватель, который тоже заставлял его бегать! – Сэм тупо на нее посмотрел. Можно было подумать, что несколько недель назад кто-то другой прикреплял к потолку простыню и кричал: «Беги, солдат, беги!» Она настойчиво продолжала: – Его преподаватель также советовал ему просыпаться ночью и заниматься в полусонном состоянии, а еще играть, слегка подвыпив перед этим. Кстати сказать... А-а, вот, отлично, кто-то к нам идет.

К их столу подошел молодой официант:

– Желаете, чтобы я назвал блюда дня?

Он расправил плечи с видом героя, намеревающегося совершить нечто рискованное.

– Да, но хотелось бы узнать о наших напитках. Мы заказали два бокала вина... уже давно.

Миллион лет назад.

Клементина постаралась смягчить слова улыбкой. Официант был трогательно молодым и изголодавшимся на вид. Он идеально подошел бы на роль уличного оборванца в «Отверженных».

– Вам еще не принесли напитки?

Официант разволновался, словно никогда не слышал о таких вещах.

Клементина указала на стол – спиртного нет. Только два сотовых, лежащих перед ними на изготовку, чтобы можно было схватить их в случае кризиса, поскольку теперь они жили в ожидании кризиса.

– Может быть, про них забыли, – предположила Клементина.

– Может быть, – откликнулся официант.

Он боязливо посмотрел через плечо на бар ресторана, где смазливая официантка с сонным видом полировала бокалы.

– Можете проверить? – спросила Клементина.

Во имя Господа, почему этот шикарный ресторан нанимает детей? Голодающих детей? Накормите его и отпустите домой.

– Конечно, хорошо. Это были два бокала...

– «Шираза», – подсказала Клементина и различила в собственном голосе пронзительные нотки.

– Понятно. Гм... Можно я сначала перечислю блюда дня?

– Нет, – ответила Клементина, и в тот же момент Сэм с улыбкой произнес:

– Конечно, приятель. Послушаем про блюда дня.

Он всегда выбирал для себя роль Хорошего Коба.

Официант глубоко вздохнул, сжал руки, как мальчик-хорист, и продекламировал:

– В качестве закуски мы предлагаем семгу конфи, приготовленную с кориандром, апельсинами и мятой.

Он умолк, но губы его продолжали беззвучно шевелиться. Клементина надавила на телефон кончиком пальца. Экран засветился. Никаких вызовов. Все хорошо.

Сэм заерзал на стуле и чуть заметно кивнул официанту в знак одобрения, как сделал бы любящий родитель, когда его чадо читает стихи.

Наблюдая за мужем (его человечность выводила из себя), Клементина неожиданно ощутила приступ любви, как одну безупречную, чистую ноту. Бархатистая ми-бемоль. Но стоило этому чувству появиться, как оно сразу пропало, и, когда официант начал с запинками излагать длинейший список блюд дня, осталось лишь зудящее раздражение.

– Ветчина и пеперони, нет, постойте, не пеперони, а ветчина и... гм...

Он качнулся вперед и, сжав губы, уставился на свои ботинки. Клементина встретила взглядом с Сэмом. Раньше ей стоило лишь немного вытаращить глаза, чтобы заставить Сэма потерять самообладание, и тогда он, стараясь не задеть чувства официанта, покраснел бы, едва сдерживая смех.

Но сейчас они просто посмотрели друг на друга, а потом в сторону, словно несерьезность противоречила новым правилам жизни, по которой они шагали с большой осторожностью, обуздывая себя и не расслабляясь ни на миг.

Официант продолжал нескончаемый перечень, а Клементина, чтобы отвлечься, проигрывала в голове отрывки из Брамса, пользуясь своей рукой под скатертью, как грифом. У Брамса было множество мини-фраз, соединенных в одну растянутую мелодическую линию. Требовалось особое лирическое настроение. Может быть, Энсли права? Не слишком ли много внимания она уделяет технической безупречности? «Если сконцентрироваться на музыке, технические проблемы зачастую разрешаются сами собой», – говорила ей Марианна. Однако Клементина обнаружила, что в каждом аспекте своей жизни приняла этот совет слишком близко к сердцу. Ей надо было сконцентрироваться, приучить себя к дисциплине, научиться доводить дело до конца, вовремя оплачивать счета, выполнять правила.

– ... с великолепным козьим сыром!

Официант завершил декламацию ликующим возгласом исполнителя рождественских гимнов: «И куропатка на грушевом дереве».

– Все это звучит заманчиво, – промолвил Сэм.

– Желаете, чтобы я рассказал о чем-то подробнее?

– Ни в коем случае, – откликнулся Сэм, и Клементина едва не рассмеялась.

Он всегда умел произносить фразы с непроницаемым лицом.

– Хорошо. Так что вы обдумайте, а я тем временем узнаю про ваше вино... – Официант посмотрел на Клементину.

– «Шираз», – подсказала Клементина.

– Легко. – Официант щелкнул пальцами, очень довольный, что покончил со списком блюд дня.

– Итак... – начал Сэм, когда официант ушел.

– Итак, – повторила Клементина.

– Что закажешь?

Сэм, как газету, поднял перед собой меню.

– Пока не знаю. – Клементина взяла меню. – Все выглядит аппетитно.

Ей хотелось пошутить. Пошутить насчет официанта. Насчет блюд дня. На тот счет, что их вино никак не принесут. Насчет девушки за барной стойкой, самозабвенно полирующей бокалы. Куча всяких возможностей. На миг ей показалось, что от этого зависит очень многое. Сумей она удачно пошутить прямо сейчас, она спасет этот вечер, спасет их брак. Что-то о девушке с буддистским подходом к работе? Самозабвенно полирующей бокалы? Если бы она столь же самозабвенно налила им вина! Боже правый, когда она успела превратиться в человека, мысленно репетирующего шуточные замечания?

В ресторане кто-то засмеялся. Какой-то мужчина. Глубокий голос, явно баритон.
Сердце Клементины подпрыгнуло. Сэм поднял голову от меню.
Только не Вид. Не здесь. Не сегодня.

Снова этот смех. Непривычно громкий для зала, устланного мягкими коврами.

Клементина повернула голову и увидела троих мужчин, идущих через зал. Все они были чем-то похожи на Вида – большие круглые головы, широкие плечи, гордо выпяченные животы и эта европейская походка, без чванливости.

Но Вида среди них не было.

Клементина перевела дух. Мужчина снова засмеялся, но по тону и глубине звука этот смех отличался от смеха Вида.

Она повернулась к Сэму. Он уже закрыл меню и прислонил его к груди.

– Я подумал, это Вид, – сказал он. – Он смеялся совсем как Вид.

– Да, – согласилась Клементина. – Я тоже подумала, что это он.

– Господи! Совсем не хочу его видеть. – Сэм положил меню на стол и прижал ладонь к ключице. – Я подумал, меня удар хватит.

– Да, и я тоже так подумала, – подхватила Клементина.

Сэм подался вперед, положив локти на стол:

– Просто все сразу вспомнилось. – В его голосе слышались слезы. – Если бы я увидел его...

– «Маргарет-Ривер», «Шираз»! – Молодой официант торжественно, как приз, поставил на стол бутылку.

Вино было не то, что они заказывали, но не было смысла гонять официанта.

– То, что нужно! – проговорила она тоном, каким говорят: «Молодец!»

Официант, заложив одну руку за спину, щедро разлил вино по бокалам. На хрустящую белую скатерть попало несколько красных капель. Лучше бы он орудовал обеими руками.

– Вы готовы заказывать? – зардевшись от похвалы, с широкой улыбкой спросил официант.

– Еще минутку, – сказала Клементина.

– Разумеется! Легко!

Официант удалился.

Сэм поднял бокал. Его рука немного дрожала.

– Мне показалось, я видела на днях Вида в зрительном зале, когда мы исполняли симфонию, – сказала Клементина. – Я была в таком шоке, что пропустила свое вступление. Удачно, что Энсли сидела за одним пюпитром со мной.

Сэм отхлебнул большой глоток вина, потом провел по губам тыльной стороной ладони.

– Значит, ты не хотела его видеть? – напрямик спросил он.

– Ну конечно не хотела. Это было бы...

Клементине было никак не подобрать нужного слова. Она подняла свой бокал. Ее рука не дрожала. Она научилась управлять дрожащей рукой со смычком без бета-блокаторов, хотя сердце колотилось от мучительного страха сцены.

Сэм фыркнул, потом вновь открыл меню, но она видела, что он не читает его. Он старался взять себя в руки, расслабиться, обрести спокойствие.

А ей хотелось, чтобы он снова «сломался».

– Хотя на самом деле Эрика на днях говорила, что Вид очень хочет встретиться с нами, – сказала Клементина.

Ей не хотелось вести общие разговоры о панораме, меню и погоде. Такой разговор похож на музыку в рекламном ролике.

Сэм взглянул на нее, но его лицо было пустым, глаза как закрытые ставнями окна. Она ждала. Повисла странная маленькая пауза. Как будто что-то ему мешало. Никто, кроме нее, не замечал, что с некоторых пор Сэм утратил нормальный временной ритм при разговоре.

– Ну, я уверен, рано или поздно мы на него натолкнемся, – сказал он. Его взгляд вернулся к меню. – Пожалуй, закажу ризотто с курицей.

Это было невыносимо.

– На самом деле Эрика выразилась «ужасно хочет», – добавила она.

Он скривил губы:

– Угу, ну, вероятно, он ужасно хочет видеть тебя.

– Хочу сказать, мы неизбежно на них натолкнемся, разве нет?

– Не понимаю почему.

– Когда у нас запланирован визит к Эрике и Оливеру? Нам не избежать езды по их улице.

Хотя, вероятно, Сэм хотел именно этого. Может быть, ей тоже этого хотелось. Они могут повидаться с Эрикой и Оливером, не приближаясь к их дому. Нужно лишь найти подходящую отговорку, умело уклоняясь от приглашений Эрики. Прежде всего они не так уж к ним привязаны.

Она вспомнила, как в первый раз увидела новый дом Эрики и Оливера. «Наш дом выглядит карликом рядом с дворцом наших соседей», – с неопределенной гримасой сказала тогда Эрика, глядя на замок с башенками и причудливыми завитушками. Он особенно выделялся на фоне их скромного одноэтажного дома с верандой – надежного жилища, лишённого индивидуальности и так похожего на них самих. Да, но теперь они не могут по-прежнему подшучивать над Эрикой и Оливером. С того дня их отношения навсегда изменились. Сместился баланс сил. Клементина и Сэм никогда больше не смогут сказать с чувством превосходства: «Мы такие легкие и остроумные, а они настоящие зануды».

Сэм осторожно положил свое меню на край стола и немного передвинул мобильный телефон.

– Давай поговорим о чем-нибудь более приятном, – попросил он с вежливой улыбкой незнакомца.

– Хочу сказать, их вины в том не было, – произнесла она хриплым от волнения голосом.

Она заметила, что он вздрогнул и порозовел.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – повторил Сэм. – Что ты закажешь?

– Я не так уж и голодна.

– Хорошо. Я тоже не голоден. – У него был деловой вид. – Может быть, уйдем?

Клементина положила свое меню поверх его и расправила углы.

– Хорошо. – Она подняла бокал. – Тогда за вечер свидания.

– За вечер свидания, – презрительно повторил Сэм.

Клементина смотрела, как он покачивает бокал с вином. Неужели он ненавидит ее? Он действительно ненавидит ее?

Отвернувшись от него, она стала смотреть на дорогой панорамный вид с дождем, на покрытую зыбью воду, простирающуюся до самого горизонта. Отсюда дождя слышно не было. В небоскребах вспыхивали и мигали огоньки. Романтично. Если бы она сумела удачно пошутить. Если бы этот чертов мужик не смеялся, как Вид.

– Ты когда-нибудь думал... – осторожно начала она, не глядя на Сэма, а устремив взгляд на одинокую накренившуюся яхту, парус которой сердито трепал ветер. Кого угораздило в такую погоду выйти под парусом? – Что, если мы не пошли бы? Что, если кто-то из девочек заболел бы, или мне пришлось бы работать, или тебе пришлось бы работать, или что-то еще – что, если мы не пошли бы на барбекю?

Она не сводила глаз с маньяка на яхте.

Чересчур долгая пауза.

Она хотела, чтобы он сказал: «Конечно, я думал об этом. Думаю об этом каждый день».

– Но мы все же пошли, – сказал Сэм низким холодным голосом. Он не хотел рассматривать никаких других вариантов их жизни, чем тот, к которому они шли. – Мы ведь пошли, верно?

Эрика посмотрела на часы. Клементина и Сэм должны были прийти десять минут назад, но для них это нормально. Они, похоже, не видели беды в опоздании на полчаса.

За годы Оливер привык к этому и больше не предлагал Эрике позвонить и узнать, не случилось ли чего. Сейчас он вышагивал по коридору, присасываясь нижней губой к верхним зубам, отчего получалось невыносимое цыканье.

Эрика пошла в ванную комнату, заперла за собой дверь, несколько раз проверила, хорошо ли та заперта, и достала из шкафчика упаковку таблеток. Не то чтобы она прятала их от Оливера. Пожелай он, то увидел бы их там, в шкафчике, и с сочувствием отнесся бы к ее потребности в успокоительных препаратах. Просто он параноидально боялся всего, что человек принимает внутрь: алкоголя, лекарства, еды, – если дата реализации просрочена. Эрика разделяла его страхи перед просроченными датами. Если верить Клементине, даты реализации были «пунктиком» Сэма.

Ее психолог назначила ей эти препараты на те дни, когда Эрика знала, что ее тревожные симптомы (учащенное сердцебиение, дрожащие руки, непреодолимое ощущение опасности и так далее) будет трудно контролировать.

– Немного поэкспериментируйте. Начните с малых доз, – сказала ей тогда психолог. – Может оказаться, что вам будет достаточно четверти таблетки.

Эрика вынула из блистера одну таблетку и попыталась ногтем разломить ее пополам. Посредине таблетки была глубокая канавка, по которой ее надо было разломить, но что-то пошло не так, и таблетка не разламывалась. Успокоительное лекарство лишило ее покоя. Можно было бы отнестись к этому с юмором, но ей было не до смеха.

Эрика планировала принимать это лекарство только перед визитами к матери. Она действительно нервничала по поводу сегодняшнего разговора с Клементиной, но это было беспокойство нормального человека в подобной ситуации.

Однако это продолжалось лишь до того момента, когда она, пообщавшись с Видом на подъездной аллее, вошла в дом и увидела совершенно оторопевшего мужа с нелепо зажатой в руке метелкой из перьев. Клементина никак не могла поверить, что у них есть метелка из перьев для смахивания пыли. «Где ваша метелка для пыли?» – как-то, будучи у них в гостях, спросила Эрика, а Клементина принялась хохотать, и Эрика ощутила это знакомое чувство унижения. Метелка для пыли – это смешно. Кто знает? Откуда ты знаешь? Они же очень удобны.

– Зачем ты это сделала? – спросил Оливер. – Зачем согласилась пойти на барбекю к соседям именно сегодня? Мы все спланировали! Спланировали за несколько недель!

Рассердившись, он никогда не кричал. Даже не повышал голоса. Разговаривал тем же тоном вежливого недоумения, каким жаловался бы по телефону интернет-провайдеру на что-то неприемлемое. За стеклами очков блестели его чуть покрасневшие глаза. Не очень-то он ей нравился, когда злился, но, наверное, любому не нравится рассерженный собеседник, и это нормально.

«Эрика, постарайтесь выкинуть из головы мысль о том, что существует некий

объективный критерий нормальности, – часто говорила ей психолог. – Этот „нормальный“ человек, о котором вы говорите, не существует!»

– Ты нарочно саботируешь нашу встречу? – с неожиданным жаром произнес Оливер, как будто обнаружил ошибку в чеке, как будто догадался, что интернет-провайдер запросил с него двойную плату.

– Конечно нет! – с негодованием ответила она.

Оливер уговаривал ее пойти к соседям и сказать Виду, что они не могут быть на барбекю. Потом сказал, что сделает это сам. Он уже направился к двери, но она схватила его за руку, и они несколько секунд боролись, и он буквально поволок ее за собой по кухонному полу, пытаясь вырваться из ее рук. Это выглядело неуклюже и недостойно и совсем не было похоже на них. Вот Клементина с Сэмом иногда шуточно боролись на публике, отчего Эрика с Оливером смущенно застывали. Они гордились тем, что не ведут себя так. Вот почему Оливер остановился и поднял руки, делая вид, что сдается.

– Отлично, – сказал он. – Забудем об этом. В другой раз поговорим с Клементиной и Сэмом. Просто пойдем на барбекю и развлечемся.

– Нет, не так. Наш план остается в силе. Так будет даже лучше. Зададим им наш вопрос. И скажем, что не ждем немедленного ответа. Потом скажем: ладно, идем на барбекю. Это позволит нам вовремя остановиться. А иначе нам пришлось бы вести неловкий разговор.

А теперь гости могли прийти в любую минуту. Все было готово. Игровой столик для детей. Блюдо с крекерами и соусом.

Однако сердце Эрики гудело в груди, как гоночная машина, и дрожь в руках не унималась.

Она проклинала глупую крошечную таблетку. Не хочет разламываться.

Раздался звонок входной двери. Словно ее внезапно и сильно ударили в живот. Она чуть не задохнулась. Таблетка выпала из неловких пальцев.

«Боязнь дверного звонка», как называла это почти с удовлетворением ее психолог, поскольку Эрика отмечала галочкой все нужные квадратики. «Это вполне понятно. Конечно, вы боитесь звонков в дверь, потому что в детстве страшились разоблачения».

Эрика опустила на колени, на холодные и твердые плитки пола ванной комнаты. Пол был чистый. Желтая таблетка лежала в центре одной плитки. Эрика прижала ее кончиком пальца. Звонок прозвучал снова. Положив целую таблетку на язык, Эрика проглотила ее.

От предстоящего разговора зависит *все*. Боже правый, конечно, она нервничает. Она почувствовала, что дышит прерывисто, быстро хватая ртом воздух, поэтому, положив ладонь на живот, сделала глубокий вдох, как учила ее психолог (надувать живот, а не грудь), а затем вышла из ванной и направилась по коридору к входной двери. Оттуда уже высыпали Клементина, Сэм, Холли и Руби. Шквал голосов, суэта и смесь запахов, словно их было десять, а не четверо.

– Я принесла бутылку шампанского, чтобы взять с собой к соседям. – Клементина подняла бутылку, и они обменялись с Эрикой поцелуем. – А тебе я ничего не принесла. Наверное, это невежливо? Ах, постой, у меня тут книга, которую я обещала тебе, Оливер. – Она порылась в большой полосатой сумке. – Извини, я пролила на нее горячий шоколад, но читать все же можно. Ты в порядке, Эрика? У тебя немного бледный вид.

– В порядке, – скованно произнесла Эрика. – Привет, девочки.

На девочках были балетные пачки, легинсы и толстовки с капюшоном. К спинам с помощью сложных эластичных перевязей приторочены блестящие крылышки, как у фей.

Обеим девочкам не мешало бы пригладить волосы и умыть личики. Нашлось время натянуть крылышки, а на мытье времени не хватило! Глядя на них, Эрика испытала ту же боль, что и при виде играющей на концерте Клементины.

– Холли, поздоровайся с Эрикой. Не мямли, – сказала Клементина. Можно было подумать, что Эрика – пожилая тетушка, ожидающая хороших манер. – Посмотри на нее и скажи «привет». Обнимешь Эрику, Руби? О-о, и ты, Холли. Хорошо.

Эрика наклонилась, и обе малышки обняли ее за шею. От них пахло арахисовым маслом и шоколадом.

Руби, засунув в рот большой палец, выжидающе подняла веничек для взбивания.

– Привет, Веничек, – сказала Эрика. – Как поживаешь?

Не вынимая пальца изо рта, Руби улыбнулась. Хотя Эрика всегда вежливо обращалась с Веничком, она считала, что Клементина с Сэмом не должны поощрять персонификацию предмета и пылкую привязанность к нему Руби. Эрика давно пресекла бы это. Она думала, ее психолог с ней согласна, правда, та высказывалась на эту тему раздражающе неопределенно.

Эрика заметила, что Холли принесла с собой маленькую ярко-синюю сумочку с блестками, которую она подарила девочке на Рождество два года назад. Восторг на лице Холли, когда та открыла подарок и увидела сумочку, переполнил саму Эрику таким сильным чувством, что ей пришлось быстро отвернуться.

Теперь Холли хранила в этой сумочке свою растущую коллекцию камушков, которую повсюду таскала за собой. Эрика немного беспокоилась по поводу коллекции камней, думая, что это похоже на навязчивую идею и может привести к проблемам разного рода, однако психолог уверила ее, что беспокоиться не о чем, это совершенно нормально. Она сказала, что, пожалуй, не стоило советовать Клементине следить за этим, но Эрика все же посоветовала, и Клементина пообещала с тем добродушно-снисходительным выражением, которое у нее иногда появлялось, словно Эрика страдала слабоумием.

Оливер присел на корточки рядом с Холли:

– Вот, нашел на днях. – Он протянул девочке плоский овальный голубоватый камень. – В нем есть блестящие кусочки. – Он показал кончиком пальца. – Я подумал, тебе понравится.

Эрика затаила дыхание. Прежде всего, зачем Оливер поощряет Холли в собирательстве камней, если она поделилась с ним своими тревогами, и, во-вторых, Холли может обидно осадить его, как это бывает у детей. Клементина говорила Эрике, что Холли любит сама находить камни (большая часть из них – это обыкновенные грязные камешки из сада) и не проявила ни малейшего интереса к небольшому полудрагоценному камню, который ей подарил замечательный отец Клементины, пытавшийся пробудить в Холли любознательность (к камню была прикреплена карточка со сведениями о его геологических свойствах).

Холли взяла камень у Оливера и, прищурив глаза, принялась его рассматривать.

– Это хороший камешек, – проговорила она и, открыв сумочку, пополнила свою коллекцию.

Эрика с облегчением выдохнула.

Оливер с ликующим видом выпрямился, поправляя брючины.

– Что нужно сказать? – спросила Клементина.

– Спасибо, Оливер. – Говоря это, Холли сердито посмотрела на мать. – Я и так сказала спасибо.

Клементине следовало дать Холли шанс, а не встречать раньше времени.

Эрика захлопала в ладоши:

– У меня есть для вас игровой столик!

– Здорово! Правда, девочки? – произнесла Клементина притворно-веселым тоном, как будто Эрика предложила детям нечто неподходящее и скучное, вроде вязания крючком.

– Смотрел вчера игру? – спросил Сэм у Оливера.

– Ну конечно, – ответил Оливер с видом человека, намеревающегося сдавать экзамен, к которому усердно готовился.

По сути дела, он смотрел накануне игру только для того, чтобы ответить на вопрос Сэма. Как будто, если он изобразит интерес к спорту, это повлияет на исход сегодняшней встречи.

У Сэма был довольный вид. Обычно разговоров о спорте с Оливером не получалось.

– А как та подножка в первом тайме, а?

– Сейчас же прекратите! Мы не хотим разговаривать о футболе! – вмешалась Клементина. – Положите конец нашим мучениям. О какой такой тайне нам надо поговорить?

Эрика заметила, что Оливер запаниковал. Они по-прежнему топчутся на месте. Не так это должно было происходить.

– Мы не скажем ни слова, пока каждый спокойно не усядется на свое место, – сказала Эрика.

Может быть, таблетка уже подействовала. Сердце билось ровно.

– О-о, какая *herrsüchtige Frau!* – воскликнула Клементина.

– Что это такое? – спросила Холли.

– Это значит по-немецки «командирша», – ответила Эрика. – Удивительно, что твоя мама помнит такое длинное слово. Попросим ее сказать его по буквам?

Когда им было по тринадцать, Эрика с Клементиной изучали в школе немецкий и пристрастились к немецким ругательствам. Они наслаждались резкой трескотней звуков этого языка. Иногда они пихали друг друга, но несильно, чтобы чуть-чуть потерять равновесие.

Это было одно из немногих общих увлечений.

– Только потому, что у нее оценки были лучше.

Клементина закатила глаза.

– О-о, всего двадцать оценок лучше или около того, – сказала Эрика. – *Dummkopf!*^[1]

Она получила ровно двадцать две оценки лучше, чем у Клементины.

Клементина рассмеялась, как будто с нежностью, и Эрике стало легко. Надо постараться всегда быть такой – беспечной и спокойной, не слишком эмоциональной, а если и проявлять эмоции, то с юмором и шармом, не досаждая окружающим.

За несколько минут они все устроили – девочки с удовольствием клеили блестящие розовые наклейки на картон. Эрика была горда тем, что игровой столик понравился. Конечно понравился. Маленькие девочки любят заниматься поделками. У Клементины в детстве был такой столик. Эрика его обожала: аккуратные маленькие коробочки с наклейками, флаконы с клеем. Клементине, конечно, нравился тот столик, так почему же она не поставила такой для собственных детей? Эрика не рисковала предложить подруге такое, поскольку часто замечала, что ее интерес к девочкам воспринимается как критика.

– Мне нравятся эти крекеры с кунжутом, – сказала Клементина, когда они уселись друг напротив друга в гостиной.

Она подалась вперед, чтобы взять крекер, и Эрика мельком увидела ложбинку между ее грудями. Белый бюстгальтер. С шеи свисала изумрудная подвеска, которую Эрика подарила ей на тридцатилетие. Кофейный столик стоял далековато от дивана, и Клементина грациозно опустилась на колени, как гейша.

На ней был кардиган бирюзового цвета поверх белой футболки и длинная юбка с огромными белыми маргаритками на желтом фоне. Посреди бежевой гостиной Эрики она смотрелась как большое цветное пятно.

– Помню, ты то ли любишь их, то ли терпеть не можешь, – сказала Эрика.

Клементина снова рассмеялась:

– Крекеры – моя страсть.

– Она помешана на крекерах, – добавил Сэм.

Клементина, не спросив, отрезала кусочек сыра, положила на крекер и вручила ему.

– Папочка шутит, – пояснила она, закатывая глаза и вновь садясь на диван.

– Сделал маникюр – а, приятель? – спросил Оливер у Сэма.

А Эрика подумала: «О чем он говорит? Пытается быть общительным, типа „я простой австралийский парень, совсем как ты“, но получается у него все не так?»

Однако Сэм вытянул вперед руку, чтобы показать, что ногти у него выкрашены в коралловый цвет.

– Ага, работа Холли. Пришлось платить за привилегию.

– Неплохо она поработала, – заметила Клементина. – Надо только не забыть снять лак перед работой, чтобы никто не усомнился в его мужественности.

– Никто не усомнится в моей мужественности!

Сэм ударил себя в грудь, а Оливер рассмеялся – быть может, с излишним жаром, но, право, все складывалось хорошо. Правильный тон был найден.

– Что ж... – откашлявшись, начал Оливер.

Эрика заметила, что у него подергивается колено.

Чтобы унять дрожь, он положил на колено ладонь.

– Ну вот, чтобы вы поняли подоплеку... – начала Эрика.

– Должно быть, серьезная штука. – Клементина подняла бровь. – Подоплека.

– Последние два года я безуспешно пытаюсь забеременеть, – сказала Эрика.

Просто выскажи все. Не тормози.

Клементина вынула изо рта крекер, от которого собиралась откусить.

– Ты – что?

– У нас было одиннадцать попыток ЭКО, – сказал Оливер.

– *Что?* – не поверила Клементина.

– Сочувствую, – тихо произнес Сэм.

– Но ты никогда... – Клементина была поражена. – Я думала, ты не хочешь детей. Ты всегда говорила, что не хочешь детей.

– Мы очень хотим детей, – подняв подбородок, заявил Оливер.

– Тогда я была моложе, – объяснила Эрика. – Я передумала.

– Но я считала, Оливер думает так же, – сказала Клементина.

Она осуждающе смотрела на Оливера, словно ожидая, что он отступится, признает, что она права. «Ах, извини, конечно, ты права, мы совсем не хотим детей. О чем мы только думали?»

– Я всегда хотел детей, – признался Оливер. – Всегда.

Голос его стал хриплым, и он откашлялся.

– Но одиннадцать попыток ЭКО? – обратилась Клементина к Эрике. – И ты мне ничего не сказала? Проща через все это, не сказав ни слова? Держала все в тайне последние два года? Почему ты мне не сказала?

– Просто мы решили никому не говорить, – неуверенно произнесла Эрика.

Клементина говорила обиженным тоном. Почти сердитым. Эрика чувствовала, что все меняется.

Постой... в чем дело? Ей никогда не приходило в голову, что она в состоянии обидеть Клементину, но теперь Эрика поняла, что многое воспринимала неправильно. Клементина – ее ближайшая подруга, а с друзьями принято делиться своими проблемами и секретами. Разумеется. Боже правый, это знают все. Женщины печально знамениты тем, что делятся всеми своими проблемами.

Суть заключалась в том, что Оливер настойчиво просил, чтобы они никому об этом не говорили, и, честно говоря, Эрика не возражала. У нее не было *желания* делиться. Она никому не хотела об этом говорить. Она придумала, что позвонит Клементине, чтобы сообщить хорошую новость. Хорошую новость, которая так и не пришла.

И в конце концов, у нее большой опыт по части хранения секретов.

– Извини, – сказала она.

– Нет, нет! – порозовев, возразила Клементина. Она так и не доела крекер. – Мне жаль. Господи, дело не во мне! Наверное, правильно, что ты не хотела об этом говорить. Я уважаю твою частную жизнь. Просто жаль, меня не было с тобой рядом. Возможно, были случаи, когда я жаловалась на девочек, а ты думала: «О-о, ради бога, замолчи, Клементина, ты сама не знаешь, как тебе повезло».

Чувствовалось, она сейчас расплачется.

Да, такие случаи были.

– Разумеется, я никогда так не думала, – возразила Эрика.

– Как бы то ни было, теперь мы знаем. – Сэм накрыл своей ладонью руку Клементины. – Если вам что-то нужно... – Он говорил осторожно. Может быть, думал, что им нужны деньги.

На миг воцарилось молчание.

– Так вот, причина, почему мы хотели с вами переговорить... – начал Оливер.

Он взглянул на Эрику. Теперь должна последовать ее реплика. Но все пошло не так. Она все испортила. Если бы она с самого начала вела себя как нормальная подруга, если сказала бы Клементине, когда они только начали ЭКО, то у нынешнего разговора был бы прочный фундамент. Каждое разочарование, каждая неудача за последние два года стала бы вкладом сопереживания. Они могли бы рассчитывать на этот вклад. А теперь Эрика сидит напротив смущенной, обиженной подруги, и из банка нечего взять.

От отвращения к себе Эрику немного замутило. Ей никогда не казалось это совершенно правильным. Как бы она ни пыталась, что-то не сходилось.

– Мой врач сказал мне, что для нас сейчас единственный вариант – найти донора яйцеклеток. Потому что мои яйцеклетки очень плохого качества. По сути дела, бесполезные.

Она попыталась говорить в легком тоне, как тогда, в коридоре, но по лицам гостей поняла, что это не сработало.

Клементина кивнула. Эрика поняла: та не догадывается о том, что последует дальше.

Ей вспомнилось, как на школьной игровой площадке к Клементине подошла

хорошенькая светловолосая Диана Диксон и с неприязненной гримасой кивнула на Эрику: «Зачем ты с ней играешь?» Эрика так и не смогла забыть промелькнувшее на лице Клементины смущенное выражение и то, как она вздернула подбородок со словами: «Она моя подруга».

– Ну, так мы подумали... – торопил Оливер.

Он ждал, когда выскажется Эрика. Ясно, что задать этот вопрос – ее дело. Клементина – ее подруга.

Но Эрика лишилась дара речи. Во рту пересохло. Наверное, таблетка. Вероятно, побочный эффект. Надо было прочитать в листовке о побочных эффектах. Она уставилась на желтые маргаритки на юбке Клементины и принялась считать их.

Заговорил Оливер, как актер, ради спасения спектакля произносящий реплику за другого. В его голосе слышались едва заметные истерические нотки.

– Клементина... Мы просим... Повод для нашего разговора в том... Мы подумали, не сможешь ли ты стать нашим донором яйцеклеток.

Эрика перевела глаза с маргариток на лицо Клементины и заметила промелькнувшее на нем, как вспышка камеры, выражение крайнего отвращения. Оно моментально исчезло, и она почти поверила, что ей померещилось, но на самом деле не померещилось, потому что она хорошо умела читать по лицам. Это пошло у нее с детства, когда она читала по лицу матери, следила, анализировала, пытаясь своевременно изменить поведение. Правда, это умение редко позволяло ей добиться желаемого – просто она всегда знала, когда у нее что-то не получалось.

Не имеет значения, что потом скажет или сделает Клементина. Эрика знает, что она на самом деле чувствует.

Лицо Клементины было невозмутимым и очень спокойным. Такое сосредоточенное выражение бывало у нее, когда она собиралась выступить на сцене, словно переносясь в другое измерение, запредельный уровень сознания, недоступный для Эрики. Она заправила за ухо прядь волос. Ту самую длинную волнистую прядь волос, которая опускалась к виолончели во время игры, но почему-то никогда не касалась струн.

– О-о, – спокойно произнесла она. – Понимаю.

– Ну вот, мы просим тебя о большом одолжении и совсем не ждем от тебя немедленного ответа, – сказал Оливер.

Подавшись вперед, он уперся локтями в колени и сцепил кисти. Он напоминал ипотечного брокера, который только что дал пространное объяснение по поводу оформления сложного займа.

Серьезно взглянув на Клементину, он указал на кремовую папку, лежащую перед ним на кофейном столике.

– Мы подготовили для тебя кое-какую литературу. – Он четко выговорил пять слогов слова «литература», немного причмокивая губами. Такого рода слова и Оливер, и Эрика находили успокаивающими. Как «документация» или «процедура». – Там в точности объясняются все моменты. Часто задаваемые вопросы. Эту брошюру нам дали в клинике для передачи другим, но, если ты предпочтешь не брать ее сейчас, хорошо, мы не хотим утруждать тебя, потому что на этом этапе мы просто пытаемся все правильно объяснить.

Он откинулся на спинку дивана и взглянул на Эрику, которая, как ни странно, выбрала этот момент, чтобы опуститься на колени перед кофейным столиком и отрезать кусочек от крошечной шайбы бри. Клементина не знала, что их выпускают такими маленькими.

Оливер перевел глаза с жены на гостью:

– Сегодня мы только спрашиваем: можешь ли ты подумать на эту тему? Но, как я сказал, мы не ждем от тебя немедленного ответа, и, между прочим, если в будущем ты скажешь, что готова рассмотреть этот вопрос, есть еще обязательный трехмесячный период обдумывания и переговоров. И ты можешь отказаться в любое время. В любое время. Независимо от того, как далеко мы продвинемся. Ну, не совсем в любое время. Очевидно, не в том случае, если Эрика забеременеет! – Он нервно хохотнул, поправил очки, а потом нахмурился. – В сущности, ты можешь отказаться, пока яйцеклетки еще не оплодотворены, но в тот момент они легально становятся нашей собственностью... гм... – Его голос замер. – Извини. Это уже избыточная информация для раннего этапа. Я нервничаю. Мы оба немного нервничаем!

Клементина слушала его с сочувствием. Оливер обычно избегал в разговоре рискованных тем – политика, секс или сильные эмоции, – но сейчас он по собственному почину вел этот очень неловкий разговор, потому что жаждал стать отцом. Есть ли что-нибудь привлекательнее мужчины, который стремится иметь детей?

Сэм откашлялся. Потом положил ладонь на колено Клементины:

– Слушай, друг, у меня голова идет кругом. Это будет твоя...

– Это будет моя сперма, – покраснев, сказал Оливер. – Знаю, все это звучит как-то...

– Нет-нет, – перебил его Сэм. – Конечно нет. У меня есть хороший друг, который прошел через ЭКО, так что, знаешь, основы мне известны.

Клементина знала, что Сэм упомянул своего друга Пола и что на самом деле он совершенно не вникал в «процесс», а просто обрадовался результату: младенцу для Пола и Эммы. Сэм любил младенцев. По мнению Клементины, ни один мужчина не любил младенцев больше Сэма. Он был первым в очереди, чтобы подержать новорожденного, и

смело брал детишек постарше из рук родителей. Однако он не желал слушать разговоры Пола и Эммы об извлечении яйцеклеток и переносе эмбрионов.

Эрика вертела в пальцах крекер:

– Еще сыра, Сэм?

Все уставились на нее.

– Нет, спасибо, Эрика. Мне достаточно.

Настала явно очередь Клементины сказать что-то, но грудь ее сжималась, не позволяя говорить. Она хотела бы, чтобы ее позвала одна из дочерей, но, как и следовало ожидать, они вели себя тихо как раз в тот момент, когда она надеялась, что ее прервут.

Похоже, им понравился игровой столик Эрики.

Из Эрики получилась бы превосходная мать, которая беспокоится об игровом столике, хороших манерах, дезинфицирующем средстве для рук и тому подобном. Оливер тоже стал бы хорошим отцом. Клементина представила себе, как он кропотливо занимается с милым старательным мальчуганом какими-то несовременными вещами вроде изготовления моделей самолетов.

Для их *собственных* детей, в отчаянии подумала Клементина. Они стали бы хорошими родителями для своего ребенка. Не моего.

Он не был бы твоим ребенком, Клементина. Нет, был бы. Формально, как сказала бы Холли, он был бы ее ребенком. Ее ДНК.

Люди делают это для незнакомых людей, говорила она себе. Отдают свои яйцеклетки, просто чтобы проявить доброту. Дарят их людям, которых никогда не видели. Это ее подруга. Ее лучшая подруга. Тогда почему у нее в голове так громко звучит «нет!»?

– Ну что ж... – неопределенно сказала она в конце концов. – Есть о чем подумать.

– Совершенно верно, – откликнулся Оливер.

Он вновь взглянул на Эрику, но от нее не было никакого толку. Она выложила на столе цепочку из крекеров и украсила каждый тонким ломтиком сыра. Интересно, кто будет это есть? Оливер заморгал и неловко улыбнулся Клементине:

– Не думай, пожалуйста, что, если ты откажешься, для нас все кончится. Появятся другие варианты. Просто о тебе мы подумали в первую очередь, как о ближайшей подруге Эрики. К тому же у тебя подходящий возраст, и вы не собираетесь больше иметь детей...

– Не собираемся иметь детей? – переспросил Сэм, сильнее сжимая руку Клементины. – Это не совсем так.

– О-о, – произнес Оливер. – Извините. Господи, я подумал, Эрика явно была под впечатлением...

– Ты сказала, что скорее дашь себе выбить глаз, чем родишь еще одного ребенка, – обратилась Эрика к Клементине в той резкой манере, с какой пыталась опровергнуть что-то фактами. – Это было в сентябре. Мы сидели за ямча. Я спросила: «У вас будут еще дети?», а ты ответила: «Я скорее дам себе...»

– Я пошутила, – перебила ее Клементина. – Конечно это была шутка.

Но она тогда не шутила. О господи, неужели теперь для нее это единственный выход?! Придется ли ей снова родить, чтобы выбраться из этой ситуации?

– Ну, даже если захочешь еще детей, определенно это не мешает тебе стать донором яйцеклеток, – сказал Оливер. Его лоб прорезали три глубокие складки. Так обычно морщатся герои мультяшек. – Клиника предпочитает, чтобы известные доноры больше не заводили детей, но... гм... все это изложено в литературе.

– Ты сказала, что скорее дашь себе выбить глаз, чем родишь еще одного ребенка? – обратился Сэм к Клементине. – Ты действительно это сказала?

– Я пошутила! – повторила Клементина. – Наверное, у меня выдался тяжелый день с детьми.

Конечно, она всегда знала, что в этом есть своя проблема. Она тешила себя надеждой, что когда-нибудь он откажется от этой мысли. Всякий раз, когда девочки не слушались, или дом казался слишком тесным для четверых и они все время теряли вещи, или когда не хватало денег, она втайне надеялась, что Сэм постепенно откажется от мысли завести еще одного ребенка.

Ей ни в коем случае не стоило говорить Эрике, что она не будет больше рожать. Это было легкомысленное замечание. При общении с Эрикой она по умолчанию придерживалась нарочитой легкомысленности. Следовало учесть, что у Сэма другое мнение, поскольку всегда существовал риск разоблачения этого в разговоре. Что и произошло сегодня.

Клементина редко делилась с Эрикой подобными вещами. Она сознательно сдерживала себя. С другими подругами она, особо не задумываясь, болтала обо всем, что приходило в голову, поскольку знала, что они, вероятно, забудут половину. Никто другой на свете – ни мать, ни муж – не слушали с такой жадностью сказанное ею, будто каждое слово важно и его стоит запомнить на будущее.

Когда в детские годы Эрика приходила к ней играть, то прежде всего производила тщательную ревизию комнаты. Откроет, бывало, каждый ящик и молча исследует содержимое. Она даже опускалась на колени и заглядывала под кровать Клементины, пока та стояла рядом, кипя от злости, но стараясь быть доброй и вежливой, как просила ее мать. Все люди разные, Клементина.

Очевидно, став взрослой, Эрика усвоила некоторые правила поведения в обществе и больше не рылась в шкафах, однако при разговорах Клементина по-прежнему улавливала в глазах Эрики тот алчный блеск. Как будто у Эрики не пропало желание заглянуть под кровать Клементины, но у хозяйки это вызывало молчаливый отпор.

Но по-настоящему забавным было то, что теперь Эрика придерживалась той же политики, что и Клементина, и не делилась с ней важными новостями. В последние два года она держала при себе этот огромный секрет, и первой реакцией Клементины на откровение была обида. О да, пускай Клементина, возвышаясь над Эрикой с пьедестала дружбы, милостиво жалуется ей дары: почему бы и нет, Эрика, ты можешь стать крестной матерью моего первенца!

Ну ладно – пусть их дружба просто иллюзия и за ней ничего не стоит, но сейчас Эрика просит ее о чем-то таком, о чем просят только ближайшего друга.

Она посмотрела на крекер у себя в руке, не зная, что с ним делать. В гостиной повисла тишина, только из соседней комнаты доносился лепет Холли и Руби, которые спокойно занимались своими поделками (настоящие ангелочки!), словно упрекая Клементину. «Посмотри, какие мы милые. Подари папочке еще одного малыша. Помоги подруге родить малыша». Прояви доброту, Клементина, прояви доброту. Почему ты такая недобрая?

В ее груди поднималась буря сложных, необузданных чувств. Ей хотелось закатить истерику, как это делала Руби, броситься на пол и в отчаянии биться головой о ковер. Руби всегда, прежде чем начать биться головой, смотрела, чтобы был ковер.

Сэм убрал ладонь с ее ноги и чуть отодвинулся от нее, оставив на безупречно белом кожаном диване Эрики треугольный кусочек крекера. Оливер снял очки. У него были

немного опухшие беззащитные глаза, как у зверька, очнувшегося от зимней спячки. Он протер очки краем футболки. Эрика сидела не двигаясь, с прямой спиной, как на похоронах, устремив взгляд куда-то поверх головы Клементины.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Тупица (нем.). – Здесь и далее примеч. перев.